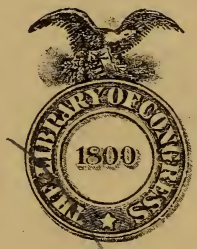
PG 3337
.P82R6
1863

N. Potekhin

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928



Class PGR 2165

Book R

YUDIN COLLECTION

281 Potekhin, Nikolai Antipovich
Roditel'skaya subbota

РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА.

(Нравоописательные очерки).

—

«Суббота пятидесятницы. Поминовеніе усопшихъ родителей».—Академическій мѣсяцесловъ.

«Честь имѣю извѣстить почтеннѣйшую публику, что на «Васильевскомъ кладбищѣ устроены мною палатки, изъ ко«торыхъ можно получать отмѣнные блины. Прошу не оста«вить своимъ посѣщеніемъ. Московскій купецъ... и т. д.

Изъ частныхъ объявленій Московскихъ Вѣдомостей.

— Ну и у купцовъ-то нынѣ подаянье — одна слава. Цѣльный годъ, каковъ серебряный гривенникъ, гривенника не видала. Ровно, Христа ради, нищимъ медюками подаютъ. Скупущій—разскупущій сталъ народъ.

— Что и говорить, Никитишна! Нудные года пошли. По церквамъ-то бѣгаешь, бѣгаешь въ воскресенье—рубля не выходишь.

— Какой тебѣ рубль. И на поминкахъ-то у купцовъ теперича такая мода пошла, чтобъ только народу больше на дворъ созвать, другъ-передъ дружкой этимъ хвастаютъ. А какой народъ, въ понятіе себѣ этого не берутъ. Извѣстно, на Москвѣ чернеть собрать трудъ не великъ. Мѣднымъ грошомъ кликни, такъ налетятъ *кусошники* да *комомошники* ровно вороны на падаль. Нашей сестрѣ отъ этой новой моды житья нѣтъ. Вонъ Севрюгина, Мушникова хозяйка, померла, такъ срамъ сказать, всѣхъ безъ разбору по трешнику одѣляли... Очень мнѣ стало это обидно... Прикащикъ ихній одѣлялъ-то; я возьми, да съ параднаго крыльца и проберись къ самому. Ничего, допустилъ. Начала я ему, что такъ-де и такъ, бѣдная, благородная вдова, семеро

PG3337 .P82 R6 1863

дѣтей, малъ-мала меньше, отъ вашей хозяюшки благодѣяніями при жизни взысканы были,—не будетъ-ли милости чего на поминъ души, по нашему сиротству, пожаловать.—У меня, говоритъ, никому отказу нѣтъ; ступай во дворъ, тамъ прикащикъ одѣляетъ. Я ему сейчасъ: ваше-де степенство, не ошибайтесь, прошу васъ; потому, хоша я бѣдная, а все штабъ-капитанша, не ошмыга какая, чтобъ на ряду съ оборванцами нищими на дворѣ стоять. Какъ онъ, матка, на меня рыкнетъ.

— Рыкну-улъ?

— То есть, такъ рыкнулъ, во всю глотку, ровно нашъ квартальный. Обозлился, глаза выпучилъ, позеленѣлъ весь; какъ только ноги унесла, перепугалась,—не помню.

— Да ты, можетъ, Никитишна, не слезно просила?

— Какъ не слезно, полно-ка. Глаза-то шалевымъ платкомъ терла—терла, такъ больно стало. Да каждое слово все на выхлипъ говорила... Не первогодна, порядки-то эти, слава Богу, знаю... Вотъ ихъ подаянье какое, а тоже мильёнщиками зовутся.

— Ахъ, грѣхи, грѣхи!.. Ну, а Корчагины-то какъ, Никитишна?

— Про Корчагиныхъ грѣхъ сказать. Купцы уважительные, по человѣку глядя, подаянье подаютъ: въ салопѣ ты на паперти стоишь—тебѣ одно подаянье, въ тулупишкѣ какомъ дырявомъ — другое, поменьше. Да вѣдь Корчагиныхъ-то у насъ, первой-другой, да и обчелся. По нынѣшнимъ годамъ сказать надо такъ, что съ нашимъ дѣломъ лихорадки не наспишь...

— Такъ-то, кума, пойдемъ-ка скорѣй. Опоздали мы, матка, съ тобой; гляди что народу валитъ; въ воротахъ и теперь ужь, чай, не проходная, базаръ-базаромъ...

— Побѣжимъ, побѣжимъ, опоздали мы съ тобой...

Замолкли говорливыя кумушки-салопницы и, прибавивъ шагу, продолжали пробираться по выбитымъ тротуаромъ грязной улицы. Ведетъ эта улица къ *одному* изъ московскихъ кладбищъ... Названія его мы не скажемъ, чтобъ не возбудить противъ этого очерка господъ, нетерпящихъ даже въ вымышленномъ разсказѣ собственныхъ именъ, лицъ и мѣстъ. А чтобъ еще болѣе отстранить отъ себя подозрѣніе въ желаніи обличенія, а слѣдовательно и въ неблагонамѣренности, мы готовы назвать нашъ очеркъ—фантастическимъ... Sic!..

Эта улица, ведущая къ *одному* московскому кладбищу, пустынна и печальна. Справа и слѣва тянутся длинные досчатые заборы. С ѣ

рые, ветхіе домишки съ перекосившимися углами и покоробленными крышами, глубоко осѣли въ землю. Разбитыя окна залеплены газетной бумагой; сквозь уцѣлѣвшія стекла во многихъ домахъ смотритъ на свѣтъ божій яркій бальзаминъ—цвѣтокъ, неизвѣстно за что, осужденный произростать въ разбитыхъ чайникахъ. Шелохнется въ иномъ окнѣ подозрительноо-пущенная занавѣска—и на улицу глянетъ подозрительной бѣлизны и свѣжести лицо московской дѣвы-чародѣйки нисшаго разбора. Вмѣсто вывѣсокъ надъ створчатыми дверями лавочекъ висятъ сухіе вѣнки и кресты изъ иммортелей. Чрезъ настежъ-отворенныя ворота виднѣются на дворахъ уродливые надгробные мавзолеи, саркофаги, урны съ плачущими надъ ними ангелами. Къ заборамъ прислонены деревянные, покрашенные зеленой и красной краской, могильные кресты. Глыбы подольскаго мрамора и финляндскаго гранита лежатъ на этихъ дворахъ цѣлыми кучами. Мало движенія въ этой улицѣ. Съ ранняго утра протащится по ней за заставу безконечно-длинный обозъ. Мѣрно покачиваютъ головами идущія гуськомъ возовыя лошади. Переругиваются изобразительно и крѣпко лежащіе на возахъ верхъ брюхомъ обозные мужики. Тявкаютъ безъ устали изъ подворотень мохнатыя, грязныя шавки, да хрюкаютъ самодовольно свиньи, забравшись по уши въ липкую, уличную грязь. Пройдетъ печально небогатая похоронная процессія. Выбѣгутъ уличныя кумушки къ воротамъ домовъ поглазѣть на чужое горе. Похаютъ или похвалятъ обивку гроба; замѣтятъ, что вдовецъ или вдова мало плачутъ, не причитаютъ. Съ ревностью ударятъ себя по бедрамъ и скроются за хлопнувшей калиткой. Изрѣдка проскрипитъ дверной блокъ, съ трескомъ и звонкимъ дребезжаньемъ хлопнетъ входная дверь единственной въ этой улицѣ «растераціи» и на тротуаръ вывалитъ веселая компанія халатниковъ-мастеровыхъ. Красныя лица ихъ, послѣ распитія, рдѣютъ и блестятъ, точно лица дикихъ, вытертыхъ жиромъ. Не рѣдко обтираютъ они свои пышущія, потныя физіономіи полами халатовъ и съ стоическимъ хладнокровіемъ мѣсятъ уличную грязь, спѣша къ прерванной работѣ. Сюда не заѣзжаетъ ни коляска, ни пролетка, даже вездѣ-сущіе московскіе ваньки-калиберы обѣгаютъ это захолустье. Безмолвіе царитъ на улицѣ; его нарушаютъ крики торговцевъ угольями, дровами, клюквой, грушей, да пронзительный свистъ и визгъ, несущійся съ дворовъ монументальныхъ мастеровъ. Этотъ визгъ пилы, когда она входитъ своими мелкими зубьями въ мягкую каменную плиту, раздражительно дѣй-

ствуетъ даже на воловьи нервы: коровы отчаянно мычатъ, лошади фыркаютъ, а собаки валяются по землѣ и въ судорогахъ завываютъ. Такая слабонервность животныхъ не мало изумляетъ постоянныхъ обитателей этого уголка. Мирные обыватели сроднились съ этимъ свистомъ и не одна домовитая хозяйка съ упрекомъ посматриваетъ на сытую бурёнку, когда послѣдняя, вытянувши шею и выпуча стеклянные глаза, съ усердіемъ любой примадонны, выводитъ свою коровью высокую ноту. Съ первымъ вечернимъ сумракомъ засыпаетъ улица. Два масляные фонаря, какъ два слезящіеся глаза, печально мигаютъ въ темнотѣ. Всѣ калитки, ворота и лавочки на запорѣ. Очередной сторожъ тяжело опускаетъ свою дубину на тротуарные камни, и ночное эхо глухо вторитъ этимъ ударамъ. Собаки до того лаятъ цѣлый день, что успѣваютъ къ вечеру устать и во всю ночь не подаютъ голоса. Въ двухъ-трехъ окнахъ за подозрительными занавѣсками долго свѣтится огонекъ; тутъ бодрствуетъ любовь, засыпающая, какъ извѣстно, весьма поздно. По временамъ оттуда несутся звуки гармоники и, замирая въ безмолвномъ сумракѣ, дѣлаютъ еще незамѣтнѣе невозмутимое спокойствіе этого грязнаго, уединеннаго уголка.

Близость кладбища накладываетъ какой-то могильный колоритъ на физіономію этой улицы; чѣмъ-то гнетущимъ и унылымъ вѣетъ здѣсь отъ всего живого. Подобное чувство пробуждаетъ видъ деревень на заброшенномъ новгородскомъ шоссе. Совсѣмъ другую картину представляла эта улица, когда проходили по ней уже знакомыя намъ салопницы. Безпрерывно проѣзжали по ней всевозможнаго рода городскіе, московскіе экипажи. То простучитъ, хляская колесами по грязи, тряская, купеческая телѣжка, и мѣрно, на каждомъ выбоѣ, прискакиваютъ на сидѣлкѣ краснолицый, бородатый хозяинъ съ своей рыхлой сожительницей; то пронесется лихачъ отъ Печкина трактира, ухорски покрикивая на запаленнаго рысака. Грязь цѣлыми лепешками летитъ изъ-подъ копытъ лошади, бьетъ извощика по лицу, залепляетъ ему глаза , лезетъ въ носъ и ротъ, что доставляетъ несказанное удовольствіе, какъ самому возницѣ, такъ и двумъ сѣдокамъ. Эти два молодыхъ купчика, краса и зависть всей Ножевой линіи, съ глупой миной самодовольства посматриваютъ на право и налѣво и въ полголоса даютъ обѣщаніе на водку, чтобъ лихачъ взялъ ближе къ тротуару и окатилъ проходящихъ вонючей грязью. Вывертывая и выкидывая передними ногами, пара откормленныхъ, словно на убой, лошадей везетъ вычурно раскрашеннную коляску, нагруженную до

невозможности. На большомъ сидѣньи ухитрились помѣститься четыре дамы; двѣ изъ нихъ съ цѣлыми страусовыми хвостами на шляпкахъ совсѣмъ придавили двухъ другихъ и, чуть не съ головой, закрыли ихъ своими бархатными, ярко-зеленаго цвѣта бурнусами. Прижатыя барахтались, и по временамъ изъ складокъ бархата выглядывала то одна, то другая старческая физіономія съ сдвинутымъ на-сторону шелковымъ головнымъ платкомъ. Спиной къ кучеру и лицомъ къ дамамъ, на скамеечкѣ сидѣли трое мущинъ. По срединѣ—почтенный сѣдовласый старикъ въ синемъ длиннополомъ сюртукѣ и въ картузѣ, напоминающемъ формой своей уланскій киверъ. Онъ почему-то глубоко вздыхалъ и, позѣвывая, крестилъ большимъ крестомъ свой открытый ротъ. По бокамъ его помѣщались двое молодыхъ франтовъ съ легонькими бородками въ модныхъ пальто и круглыхъ черныхъ шляпахъ. Искоса посматривая на старика, они выразительно щурились на дамъ, которыя, съ своей стороны, закатывали глаза подъ лобъ и улыбались, обнаруживая два ряда черныхъ, какъ уголь, зубовъ. За этой росписной коляской дребезжалъ калиберъ, за нимъ аляповатыя пролетки, за пролетками опять коляска, телѣжки, лихачи; длинной вереницѣ экипажей не было видно конца. На тротуарахъ толкались пѣшеходы, съ какимъ-то остервененіемъ обгоняя другъ друга. Мѣщанки высоко подымали свои юбки и платья; синія чуйки отпускали плоскія остроты на счетъ женскихъ дородныхъ икръ. Шумный говоръ, хихиканье, крики, открытый смѣхъ раздавались во всѣхъ мѣстахъ улицы. Все ѣдущее и идущее несло и везло съ собой какіе-то узелки, мешочки и кулечки. Не трудно было догадаться, что въ нихъ лежало съѣдобное, потому что дѣти съ умиленіемъ поглядывали то на эти узелки, то на своихъ родителей, а въ воздухѣ попахивало скоромнымъ масломъ. Толпа, проходя улицу, направлялась къ кладбищу. Послѣдуемте за нею, читатель; авось не будемъ въ проигрышѣ, тѣмъ болѣе, что день стоитъ чудесный и, послѣ московскихъ благоуханій Охотнаго рынка, отрадно вздохнуть чистымъ и свѣжимъ, загороднымъ воздухомъ. Ясное осеннее солнце не высоко стоитъ надъ полемъ. Желтая трава, послѣ утренняго заморозка, блеститъ янтаремъ въ капляхъ растаявшаго инея. Въ воздухѣ свѣжо, но не холодно. Мягкій вѣтерокъ доноситъ сюда изъ ближней деревни слабый отголосокъ пастушьяго рожка. Вся вырѣзная, прозрачная, оголенная, березовая роща, словно отлитая изъ золота, блеститъ справа на горизонтѣ. Слѣва сверкаетъ растопленнымъ оловомъ извилистая рѣчка, пря-

часъ за невысокіе холмы, которые, все дальше и дальше отбѣгая, мельчаютъ и едва замѣтной, волнистой линіей отдѣляются отъ блѣдно-голубаго неба. Прямо противъ улицы, въ концѣ поля, какъ на ладони, виднѣется кладбище. За бѣлой каменной оградой, сквозь рѣдкую, побурѣвшую листву вѣтвистыхъ березъ, зяблыхъ липъ и колючихъ елей, смотрѣлась желтая, кладбищенская церковь съ одутловатымъ, неуклюжимъ куполомъ. Острый, колоколенный шпицъ, обитый бѣлой жестью, съ шестиконечнымъ золотымъ крестомъ на верхушкѣ, высоко поднимался надъ деревьями. Невысокій, земляной валъ, поросшій частымъ кустарникомъ, обхватывалъ справа и слѣва широкое пространство земли. Около вала, въ безпорядкѣ возвышалось нѣсколько не большихъ насыпей, поросшихъ бурьяномъ и широкимъ лопухомъ. Это были могилы самоубіицъ, которымъ церковь отказала въ послѣдней молитвѣ, въ напутственномъ благословеніи въ загробную жизнь, и не удѣлила ихъ праху мѣстечка на общественномъ погостѣ. Но за то, цѣлый день игралъ веселый, солнечный лучь на этихъ заброшенныхъ могилахъ и, потухая, пробѣгалъ отъ времени до времени огненной полосой по темной могильной зелени. Передъ воротами кладбищенской ограды стояла цѣлая толпа нищихъ. На каждаго входящаго на кладбище она бросалась, какъ на крѣпость; окружала его, тѣснила и на разные голоса клянчила и молила милостыни. И какого только народу не было въ этой толпѣ! Московскіе метеоры, откалывающіе колѣнца въ гостиномъ дворѣ, прохаживаются трагической походкой. Попрошайки-салопницы гордо посматриваютъ на крестьянскихъ бабъ, которыя съ заботливостью настоящихъ матерей укутываютъ чужихъ, взятыхъ на прокатъ, грудныхъ дѣтей. Слѣпые гнусливо тянутъ Лазаря, усѣвшись кружкомъ въ сторонкѣ. Монахини, съ благочестивыми минами на лицахъ и опустивши долу очи, чуть не въ самый носъ тычатъ прохожимъ свои кожанныя книжки и жестяныя кружки. Широко-бородые отцы-монахи широко осѣняютъ крестнымъ знаменіемъ желающихъ и охотно допускаютъ усердствующихъ облабызать свою широкую десницу. Внушительно кланяются, съ посохами въ рукахъ и котомками за плечами, странники и странницы—эти простонародные, русскіе туристы. Убогіе на перерывъ стараются тронуть сердце человѣческое, заявить свое право на милостыню,—и невольно содрогнешься при видѣ обнаженныхъ, гнойныхъ ранъ, околеченныхъ рукъ и ногъ у этихъ несчастныхъ. Однимъ словомъ, сюда стекается съ цѣлой Москвы весь тотъ народъ, который въ обычные дни, разсыпавшись по ули

цамъ, переулкамъ, закоулкамъ сердобольной, первопрестольной столицы, надоѣдливо проситъ «на погорѣлое», «вышедши изъ больницы», «на погребеніе сродственника», «на сиротство круглое», и проч. и проч. Стеченіе это здѣсь бываетъ въ дни кладбищескихъ гуляній и «родительскихъ субботъ». Хотя поминальщики съѣзжаются сюда по преимуществу только два раза въ годъ — въ Троицкую и Дмитровскую субботы; но нищіе никогда не уходятъ отсюда съ пустыми сумами, потому что Москвичи любятъ *благодѣтельствовать* грошами при всякомъ случаѣ, какъ русскіе вообще любятъ выпить и съ радости, и съ горя. Ни въ одномъ городѣ Италіи не встрѣтишь такого количества всевозможныхъ попрошаекъ, какъ здѣсь и, по всей справедливости, Москва можетъ носить титулъ столицы нищихъ. Читатель, если вамъ дороги ваши бока, не рискуйте подавать здѣсь милостыни, — толпа окружитъ васъ, сдавитъ, десятки рукъ схватятъ васъ за полы платья, за руки и за ноги. Ни просьбы, ни строгое требованіе пропустить васъ здѣсь не уважется до тѣхъ поръ, пока вы не покажете нищимъ опустѣвшій кошелекъ. Наконецъ, вы миновали мытарства и входите на самое кладбище, мѣсто мира и тишины, идѣ же всѣ упокоеваются. Не пугайтесь того гула и стона, который обхватитъ ваше ухо при самомъ входѣ на кладбище. Если вы слабонервны, постарайтесь побороть себя — васъ ожидаютъ картины, достойныя пера Гоголя и кисти Ѳедотова... По всѣмъ дорожкамъ и тропинкамъ кладбища идетъ народъ; на дерновыхъ могилахъ, каменныхъ плитахъ, вокругъ крестовъ и памятниковъ разставлены тарелки съ кутьей, блинами, преженцами; шумящіе самовары обставлены потребнымъ количествомъ чашекъ и стакановъ; штофики съ разноцвѣтной жидкостью занимаютъ самое почетное мѣсто на этихъ импровизованныхъ столахъ. Нѣсколько лицъ окружаютъ каждую могилу, въ которой лежитъ прахъ ихъ близкаго роднаго. Отслуживши предварительно панихиду, всѣ усаживаются; всякій съѣдаетъ по ложкѣ кутьи и за тѣмъ начинается уже настоящее повиновеніе...

По главной кладбищенской дорожкѣ шли отъ воротъ два гостинодворскіе пріятеля, прикатившіе на лихачѣ. Они въ самыхъ, что ни на есть, модныхъ *пальтахъ*. На одномъ пантолоны цвѣта масака съ

коричневой клѣткой, на другомъ — коричневаго цвѣта съ масаковой клѣткой. У одного на головѣ шляпа *аглицкаго фасона* съ прямой тульей и полями, у другою — *французской моды* съ перехватцомъ по срединѣ и загнутыми полями. Торгуютъ они оба галантереей и лавки ихъ рядышкомъ въ Ножовой линіи. Живутъ другъ съ другомъ, какъ говорится, душа въ душу, даже покупателя не перебиваютъ, одинъ безъ другаго пьянъ не напьется, а въ платьи соперничаютъ до того, что иногда ночи не спятъ, придумывая, какую бы *желетку* почуднѣе сшить. Вели они между собой самый интересный разговоръ.

— Ну, братъ, Саша, Николка Грибокъ ловко удралъ... Получасу отъ Печкина-то не ѣхали, а смотри коли до кладбища-то здѣшняго верстъ семи не будетъ... Вѣрныхъ семь будетъ, а?—спрашивала аглицкая шляпа.

— Какъ не быть—будетъ... Николка первый лихачъ изъ всѣхъ извощиковъ. А какъ онъ снаровился, разбойникъ, барыню эту грязью обрызгать, всю какъ есть окатилъ; синій-то шелковый салопъ рябой сталъ... Ха, ха, ха! А, поди, салопъ, чай, рублей двѣсти даденъ... Смотри, чтобъ не признали насъ,—чего не было бы?—Трусливо проговорила французская мода.

— Экаго золота не видали!.. Пусть признаютъ: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю—вотъ и весь сказъ; здѣсь вѣдь столица, народъ-то не на перечетѣ... Важное кушанье, что грязью обрызгали!.. Не ходи пѣшкомъ, коли грязи боишься. Не княгиня какая!.. Мужа-то закричала, а мужъ къ ней подошелъ въ чуйкѣ... Какая тебѣ барыня показалась со страху? Она въ полной формѣ — природная мѣщанка.

— Ну, коли мѣщанка, такъ сойдетъ съ рукъ; а я вѣдь думалъ, какая дама.

— А хоша бы и дама!. Мы объ масляной,—ты въ Питерѣ тогда былъ,—съ Лукичемъ не такія колѣнца откалывали... У Грибка-то санки лаковые, высокіе, подрѣза острые, сидятъ крѣпко, хоть нарочно вали на бокъ, не опрокинутся. Такъ издали запримѣтили ваньку,—Николка какъ ухнетъ, рысакъ на вылетъ, санки, знаешь, на поворотѣ раскатятся, отводами ударятъ подъ самыя оглобли, извощичья кляченка шарахнетъ въ сторону, Грибокъ изо всей силы въ задокъ пихнетъ,—мигнуть не умѣешь, какъ ванька съ сѣдоками въ снѣгу вверхъ тормашками торчитъ... Смѣхота! Что барынь тогда повыкувыркивали... Иная, знаешь, запутается въ юбкахъ-то, ле-

житъ внизъ головой да ногами дрягаетъ — потѣха, братецъ! Подъ Новинскимъ народъ глядючи на это, въ голосъ хохоталъ.

— И не узнали, сошло съ рукъ? Любопытствовали коричневые панталоны.

— Еще какъ сошло-то... Полицмейстеръ въ догонку казака послалъ за нами. Мы на утекъ. Казакъ къ сѣдлу прилегъ, маршъ-маршемъ догоняетъ. Вижу, дѣло плохо; я сейчасъ вынулъ рублевую бумажку, обернулъ ею мѣдный пятакъ; какъ выѣхали въ переулокъ, гдѣ не людно, сейчасъ и выбросилъ изъ саней черезъ голову на дорогу эту рублевку съ пятакомъ. Казакъ соскочилъ съ лошади, поднялъ, что я ему бросилъ, да и поѣхалъ, не торопясь, на лѣво кругомъ, словно догнать не могъ. Вотъ какія дѣла бывали.

— Ловко статью обработали! Молодцы, ей Богу, молодцы! Да что нашихъ-то не видать, пора бы компаніи собраться. Пойдемъ-ка къ палаткамъ; навѣрное, они тамъ около блиновъ прохаживаются.

— Пойдемъ.

Пріятели двинулись по направленію къ валу, у котораго стояло до десятка на скоро построенныхъ палатокъ, гдѣ пеклись блины. Около этихъ палатокъ стояли кучки народа, ожидая заказанныхъ блиновъ, безъ которыхъ, какъ извѣстно, и поминанье не въ поминанье. Франты не успѣли сойти съ главной дорожки, какъ на нихъ накинулись три молодыхъ мѣщанскихъ дѣвушки, въ ситцевыхъ пестрыхъ платьяхъ, съ бѣлыми передниками и кокетливо повязанными головными платочками. Это *зазывальщицы* блинницы. Съ наглыми ужимками и улыбками зазывали онѣ къ себѣ купчиковъ-голубчиковъ.

— Купцы, купцы, ко мнѣ зайдите въ палатку; возьмите у меня блинковъ-то,—голосила визгливо одна.

— Не берите у нея—вишь она какая пачканая... Ко мнѣ пойдемъ-те. Перебивала другая.

— Ну, ты хороша... На рожѣ-то ровно горохъ молотили, отгрызалась первая.

— Полно вамъ! Успокоивала третья.—Зайдите, господа, купцы, ко мнѣ: у меня съ пылу, такъ и таютъ во рту... Манные...

— Слушай, дѣвки! Что возьмете мою Феклу до сыта накормить? она вонъ у воротъ стоитъ;—спрашиваетъ аглицкая шляпа.

— Какая такая Фекла?.. Что за Фекла такая?—хоромъ допытываются блинницы.

— Ну, какая? Какія Феклы бываютъ... Сама ходитъ, сама ѣстъ... Накормить до отвалу... Ну, сказывайте цѣну.

— Давай рубль серебромъ, до сыта накормлю. Отзывается быстроглазая дѣвка съ размашистыми манерами.—Веди къ Феклѣ.

— Ладно, ходитъ... Тащи сотни три блиновъ за ограду, кликни Николку Грибка, извощика,—у него въ дрожкахъ запряжена сѣрая кобыла, Феклой зовутъ... Что, на понятной?.. Ха, ха, ха! Оба франта заливались веселымъ смѣхомъ, отходя отъ зазывальщицъ.

— Эхъ вы, шарлатаны; а я еще съ ними, какъ съ путными, толкую, право *шаматоны* рядскіе! А еще въ штанахъ—петербургскіе мазурики! Злобно бранилась обиженная.

— Варька, Варька, брось ихъ!.. Что ругаешься, ровно переулочный квартальный. Смотри, вона новые идутъ;—отзывала ее другая товарка, болѣе опытная... Гляди, не пропускай покупателя... Ты это помимо ушей пускай... Что здѣсь, что въ Сокольникахъ ругателей много ходитъ... Привыкай!—Зазывальщицы устремили глаза на ворота ограды.

— Я тебѣ вѣрно говорю; спроси, коли хочешь. Съ Серебряниковымъ на сто рублей побился, что Феклу до сыта не накормитъ блинами. Ударили по рукамъ. Онъ не зналъ, что за Фекла у меня такая. Вотъ вышли за ворота, я кричу Николкѣ — подавай. Подъѣхалъ.—Какъ, говорю, кабылу зовутъ? — Феклой. Серебряниковъ даже плюнулъ, отдалъ мнѣ сто рублей и со злости съ кладбища уѣхалъ безъ поминанья. Въ Троицкую субботу было... Грибокъ помнитъ—спроси. И молодые безобразники скрылись въ густой толпѣ у палатокъ.

—

Купеческое семейство, пріѣхавшее на кладбище въ росписной коляскѣ, размѣстилось около гробовой плиты, подъ которой скрывался прахъ родичей, точно въ такомъ-же порядкѣ, въ какомъ сидѣло въ коляскѣ. Въ головахъ могилы, разославши клетчатыя платки по землѣ, возсѣдали мужчины. *Самъ* былъ мрачемъ и съ остервененіемъ, точно по принужденью, выпивалъ чашку за чашкой горячаго чая пополамъ съ соболевскимъ ромомъ. Два его женатые сына, въ глубокомъ молчаніи, набивали рты блинами, преженцами и яицами въ крутую. Нерѣдко они бросали робкіе взгляды на гнѣвнаго родителя. Оба они сидѣли безъ шляпъ, не смотря на то, что глава дому

былъ накрытъ уланскимъ картузомъ. Женщины вздохнуть не смѣли. *Сама* разливала чай; сестра ея раздувала самоваръ съ усердіемъ кузнечныхъ мѣховъ; обѣ невѣстки, сложивши крѣпко на груди руки, играли большими пальцами и тупо, по телячьи, уставя глаза внизъ, разсматривали бархатъ своихъ бурнусовъ. Гроза проходила, соболевскій ромъ произвелъ надлежащее дѣйствіе, краснымъ макомъ разгорѣлось лицо отца семейства и гнѣвное выраженіе его глазъ мало по малу смягчалось. Протягивая десятую выпитую чашку чая, онъ рѣшилъ прекратить тягостное молчаніе.

— Наливай безъ рому! обратился онъ къ женѣ.—Чего молчите? Стрекотали, какъ сороки, а тутъ вдругъ и голосу нѣтъ;—прибавилъ онъ, окидывая взглядомъ всѣхъ сидящихъ.

— Чего говорить-то съ тобой!.. отвѣчала *сама*.

— А отъ чего бы со мной и не говорить?

— Что съ ругателемъ говорить—лучше молчать...

— А вотъ за эти самыя твои слова я тебя такъ ругну, какъ отродясь не ругивалъ... Слышишь?

— Всяко слыхали, всяко ругивалъ—не въ новинку.

— А я по новому придумаю... Мнѣ не трудно.

— Какой трудъ—на томъ стоишь.

— Молчи, коли со мной обходиться не умѣешь.

— Да ну, Христосъ съ тобой!—Подаетъ ему чашку съ чаемъ.

— На вотъ пей...Кто тебя разберетъ, какъ съ тобой обходиться-то.

— А ты учись... Беретъ чашку, отвѣдываетъ чай и выплескиваетъ на землю:—свѣжаго наливай.

— Кокого тебѣ еще свѣжаго... Только сейчасъ заварила... Чѣмъ не поправился, жидокъ что-ли?

— Наливай. Передаетъ ей чашку.

— Крѣпокъ что ли? Ты скажи, чѣмъ по пусту доброе изводить.

— Тебѣ сказано: наливай. — Насмѣшливо улыбается.

— Ну ужь прокуратилъ бы дома, а то срамота: кругомъ народъ, смотрятъ на насъ, ровно на чудо какое... Наливаетъ ему поспѣшно крѣпкаго чаю.

— Свиньѣ на небо не глядѣть—тебѣ меня не учить... Молчи.

— Ишь вѣдь какъ, а?.. Это по новому придумалъ, что-ли?

— Нѣтъ по старому... Ты мнѣ вотъ что скажи: зачѣмъ ты эту манеру взяла, что какъ у меня сердце начнетъ отходить, ты сейчасъ

своимъ разговоромъ мнѣ въ пику... Долженъ я тебя отъ этого отучить?.. Ты мнѣ скажи...

Жена молча поставила передъ своимъ сожителемъ чашку и нахмурилась.

— А - а, отвѣчать не хочетъ — ладно! Поспѣшно выливаетъ чашку.—Снова наливай,—я у тебя весь чай повылью, всю посуду перебью...

— Что ты, что ты, Парменъ Парменовичъ, Бога не боишься!

— Заговорила... Нѣтъ, ты подуйся, право подуйся,—я посмотрю, какъ ты сердишься... На вотъ, наливай... Да коли ты мнѣ опять противное слово скажешь — конецъ! Чувствуй, гдѣ сидишь.

— Да полно, Парменъ Парменовичъ!.. Что сегодня съ тобой?.. Сыновей изругалъ, невѣстокъ вдвое, теперь ко мнѣ пристаешь... Чѣмъ тебѣ досадили?

— Въ васъ ни въ комъ понятія нѣтъ, тѣмъ и досадили... Указываетъ на сыновей.—Вонъ какихъ двухъ жеребцовъ выводила, а того эти жеребцы не знаютъ, что когда кутью ѣдятъ, шляпы снимаютъ да крестятся...

— Ну, грѣхъ случился, въ разсѣйкѣ были... Погонялъ вдосталь, чего еще?

— Молчи, самъ я знаю, какъ надо... Смотритъ на сыновей и потомъ говоритъ полу-ласково.—Надѣвайте колпаки свои дурацкіе, нечего теперь съ голыми-то головами сидѣть, кутья съѣдена. И ужь какъ я до васъ добръ, чувствовать вы этого не можете.

— Мы, тятенька, это завсегда чувствуемъ,—говоритъ одинъ изъ сыновей, надѣвая шляпу.

— Не можете вы этого чувствовать никто... Ну вы, невѣстушки, скажите вы мнѣ по душѣ—цѣните ли вы мою доброту, а?

— Можемъ ли мы, тятенька, вашу доброту не цѣнить, коли... начинаетъ старшая невѣстка и обрывается.

— Намъ нельзя вашей доброты не цѣнить, потому мы безпрестанно ее видимъ, тятенька...—договариваетъ младшая.

— Ой, не видите, ай не цѣните! печально восклицаетъ Парменъ Парменовичъ.—Не бью я васъ, потому не можете вы моей доброты чувствовать... Другой отецъ какъ бы сегодня сыновей-то поучилъ, а я только поизупялъ, пальцемъ не тронулъ... Такъ-то. Обращается къ старшему сыну...—Началъ бы я тебя бить, что ты долженъ тогда дѣлать, а? Ну, говори, какъ я васъ училъ.

— Извѣстно, тятенька-съ, въ этомъ ваша власть, я долженъ молчать, потому противъ закону я идти не согласенъ; съ покорностью въ голосѣ отвѣчаетъ старшій.

— Жена, налей ему пуншту! говоритъ Парменъ Парменовичъ.— Ну, а ты?

— Я супротивникомъ, тятенька-съ, не былъ... Наказанье съ благодарностью приму отъ родителя.

— Жена, подай и ему!.. Ну, а вы, невѣстушки, что скажите?

— Наше дѣло, тятенька, женское, мы завсегда должны подъ страхомъ ходить... По слабости нашей намъ наука нужна.

— Жена, наливай всѣмъ пуншту. Всѣ должны пить, потому... Языкъ Пармена Парменовича запинается, глаза принимаютъ стеклянный блескъ, лицо рдѣетъ, какъ дозрѣлая черешня. Жена съ участіемъ и съ нѣкоторою боязнью посматриваетъ на своего сожителя, хорошо зная, что онъ во хмѣлю не спокоенъ. Съ минуту сожитель молча крутитъ головой и вздыхаетъ, потомъ со слезами на глазахъ встаетъ передъ могилой на колѣни и преклоняется головой къ землѣ.

— Какъ есть, я самъ теперь отецъ и у меня дѣти въ почтеніи моемъ... Не могу я этого хладнокровно переносить... Родители! Бормоталъ онъ, растянувшись по землѣ,—люблю я васъ, какъ передъ Богомъ... Наставленія ваши, какъ и что должно быть... все, все чувствую... Жена моя не понимаетъ, потому она дура... я добрый... Чувствую и стараюсь заслужить, родители... Вы мнѣ капиталъ предоставили, и я по торговлѣ своей... я не мошенникъ какой... Сыновья у меня жеребцы, а я ихъ баловать не намѣренъ... Отъ меня вамъ всегда... Зычнымъ басомъ начинаетъ пѣть:—вѣчная па-а-мять, вѣчная па-а-мять, вѣ-ѣ-чная па-а-а-мять!

Жена подходитъ къ нему и начинаетъ уговаривать:

— Парменъ Парменовичъ, опомнись, постыдись на старости-то лѣтъ себя дурачить... Со стыда съ тобой сгоришь. Тресетъ его за рукавъ:—по-олно ахальствовать-то.

Мужъ, не обращая вниманія на нее, продолжаетъ пѣть еще громче... Народъ останавливается около могилки.

— Вотъ наказанье-то Божеское!.. Перестань-же ты безобразить, слышишь?.. Толкаетъ его сильно въ бокъ. Парменъ Парменовичъ не будучи въ состояніи подняться на ноги, встаетъ на колѣни и, упираясь въ землю ладонями, оборачивается головой къ женѣ.

— Уйди, дура... Ничего ты... ты безъ понятія, уйди!

— Нечего уйди... Ишь накатился какъ, тіатры что-ли вздумалъ на кладбищѣ-то приставлять... Вставай...

— А, непочтеніе!.. Ладно... Кричитъ во весь голосъ:—купецкой женѣ Аграфенѣ за непочтеніе—анафема!

Толпа останавливается, раздается смѣхъ и возгласы:—ахъ, ты затѣйникъ! ишь что выдумалъ!.. Анафему поетъ, по церковному поетъ! Ха, ха, ха! А ты встань, на корачкахъ-то не сподручно... Чьихъ онъ?.. Вотъ бы, братцы, кого намъ въ дьячки-то! Глотка-то ровно у молодаго! Ха, ха! Купецкая жена Аграфена закрывала лицо концомъ палеваго платка и плакала; сестра ея убирала подальше отъ поющаго, на всякъ случай, посуду; невѣстки съ страусовыми хвостами на шляпкахъ отошли въ сторону; два сына стояли надъ родителемъ, не зная, какъ къ нему подступиться.

— Вася! говорила плачущая мать одному изъ сыновей;—поднимите вы его. Видишь, самъ-то грузенъ, не встанетъ... На меня теперь осерчалъ—подойти мнѣ къ нему нельзя, не ровно еще при людяхъ-то треснетъ.

— Ладно-съ, мамонька,—отвѣчалъ Вася и мигнулъ брату. Оба подошли къ родителю, который хоть и кончилъ свое проклятіе, но не поднимался съ земли.

— Тятенька-съ! началъ робко Вася. Тятенька-съ?

— Что тебѣ? не...поч...те...ніе. Заплетая языкомъ, промычалъ тятенька.

— Какъ возможно... Мы съ полнымъ нашимъ удовольствіемъ... Вамъ такъ не сподручно-съ, прикажите поднять... а-сь? Прикажите поднять-сь!.. Сядьте и чувства свои разсѣйте.

— Не учить меня... ни — кто, по-то-му я... Снова начинаетъ говорить громко:—купецкому... стой... не... такъ! Купцу Пормену Парменову мно-га-я лѣ-ѣ-та!

Толпа грохнула хохотомъ снова и снова посыпались замѣчанія и остроты.—Да тутъ, братъ, въ балаганъ не ходи—насмотришься дарма! Ахъ, ляхъ его побей!—жену проклялъ, а себѣ многая лѣта поетъ... Пьянъ-пьянъ, а себѣ вѣчную память не затянетъ!.. Ужъ очень занятно—онъ сейчасъ Исаію заведетъ... Ха, ха, ха! Видишь рукой-то махнулъ, новое видно начинать хочетъ... Подождемъ, братцы, комедіи! Ха, ха, ха!

Но любителямъ подобныхъ зрѣлищъ не удалось услышать ничего отъ Пармена Парменовича. Соболевъ побѣдилъ. Когда подняли сы-

новья съ подобающимъ уваженіемъ своего родителя, онъ находился уже въ объятіяхъ Морфея. По совѣту матери, они нашли самымъ разумнымъ положить родителя близь могилки и накрыть старенькимъ салопомъ тетки. На сторожѣ около него осталась *сама* съ сестрою, а Вася съ братомъ подали руки женамъ и удалились въ сторону. Любопытная толпа все еще не двигалась, какъ вдругъ какой-то оборванный господинъ съ всклокоченными волосами, въ засаленномъ сертукѣ изъ нанки, въ какіе облекаются обыкновенно семинаристы, выскочилъ со стороны и отставя правую ногу впередъ, а лѣвую руку вверхъ на отлетъ, произнесъ громогласно слѣдующее двустишіе:

Въ жизни сей все скоротечно,
Спи, Парменушко, безпечно!..

Смѣхъ толпы принялъ гомерическіе размѣры и она повалила въ слѣдъ, удаляющемуся съ торжествомъ декламатору.

— Какая необразованность! замѣтила толстая вдова-чиновницна своему кавалеру, который шелъ съ ней рядомъ, рисуясь новымъ форменнымъ пальто и кокардой на фуражкѣ.

— Вы совершенно изволили замѣтить! Въ нашемъ купечествѣ никакой эманцыпаціи нѣтъ,—отвѣчалъ чиновникъ, посматривая на жирную шею вдовушки.

— Это что такое значитъ — эманцыпація? Я не знаю.

— Это, Варвара Михайловна, значитъ, что купечество приличій свѣтскихъ не знаетъ, какъ себя въ обществѣ держать.

— Какое-же это такое слово, на какомъ оно языкѣ?

— Вѣрно вамъ доложить этого не могу, а такъ полагаю, что оно непремѣнно съ англійскаго языка.

— Почему-же вы такъ думаете?

— А потому-съ, Варвара Михайловна, что у насъ въ палатѣ есть столоначальникъ одинъ, онъ не то что бы семинаристъ былъ, а только учился тамъ съ годъ... Никакого этого виду семинарскаго на немъ не видать, даже англійскій проборъ черезъ всю голову, знаете, что черезъ затылокъ идетъ, носитъ, одѣтъ всегда по модѣ...

Такъ какъ онъ очень умный, можно даже сказать геній, потому что даже самъ предсѣдатель въ трудныхъ дѣлахъ совѣщаются съ нимъ, онъ мнѣ пояснялъ, что это самое слово въ книжкѣ этакой, въ Русскомъ Вѣстникѣ, часто поминается, а тамъ больше описывается про Англію хоть и на русскомъ языкѣ... Вотъ по этому-то я и думаю такъ.

— А вѣдь это не хорошее слово, оно мнѣ не нравится. Какъ можно французскія слова сравнять, напримѣръ: Же ву земъ... Какъ вамъ это нравится?—спрашиваетъ вдовушка, закатывая подъ лобъ сѣрые глаза.

— Изъ вашихъ устъ, Варвара Михайловна, такое слово на всякихъ языкахъ пріятно слышать даже для самаго безчувственнаго человѣка. Произнося комплиментъ, чиновникъ присматривалъ и впивался взоромъ въ жирную шею.

— Ахъ, развѣ вы понимаете по французски?

— Всякій образованный человѣкъ, хотя бы онъ и не понималъ французскаго языка, но обязанъ знать этакія слова, потому въ нихъ заключаются всѣ наши желанія.

— Но вы, пожалуйста, не подумайте чего-нибудь такого...—замѣтила вдовушка, скромно потупляясь.

— Не имѣйте такого мнѣнія обо мнѣ, Варвара Михайловна, потому что я всякія понятія знаю, что чего касается.

Оба замолкли и шли нѣсколько времени—одинъ мечталъ: блаженство, какая шейка!.. вотъ бы жениться-то, умирать не надо; другая разсуждала: если у него нѣтъ состоянія, за то... много надеждъ... но во всякомъ случаѣ лучше выйдти за мужъ за бѣднаго молодого человѣка, чѣмъ вдовѣть и вздыхать...

— Дайте мнѣ вашу руку,—рѣшилась начать вдовушка;—пойдемте смотрѣть надписи на памятникахъ, я ужасно какъ люблю читать поэзію.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ,—съ замираніемъ голоса и сердца произнесъ чиновникъ и протянулъ ей руку. Вдовушка чуть не локтемъ облокотилась на предложенную руку и такъ близко заставила кавалера идти около себя, что не изогнись онъ на подобіе буквы С, то пришлось бы плохо сверху шляпкѣ вдовушки и носу чиновника, а съ низу одному платью, а можетъ быть, и кринолину. Поза была не легкая, особенно на ходу; но пылающій платонической любовью чиновникъ не только не чувствовалъ какой нибудь не лов-

кости, напротивъ желалъ, чтобъ подобная прогулка длилась всю жизнь, цѣлую вѣчность. Подъ своей рукой онъ чувствовалъ біеніе вдовьяго сердца, около ногъ шелестило шелковое платье, въ глазахъ, отъ пристальнаго и близкаго созерцанія полной шейки, рябило; онъ вдыхалъ полной грудью ароматъ весны, хоть стояла осень. Этой иллюзіи много способствовала вдовушкина шляпка, на которой цвѣли въ изобиліи всѣ весенніе цвѣты, отъ подснѣжника до василька включительно.

— Ахъ, посмотрите! вскричала вдовушка, останавливая своего кавалера передъ памятникомъ, который изображалъ плачущаго генія съ опущеннымъ внизъ потухшимъ факеломъ надъ урной:—какая Винера представлена... Какъ это мило!

— Это, Варвара Михайловна, не Винера.

— Почему же не Винера, вы думаете?

— А потому, Варвара Михайловна, что эта самая Винера платья не носила.

— Ха, ха, ха... Какія глупости выдумали... Хи, хи, хи! Какъ же ей не было стыдно: ни за что не повѣрю... Какой вы насмѣшникъ! Варвара Михайловна заливалась веселымъ смѣхомъ и лукаво грозила пальчикомъ.

— Ей Богу, это вѣрно-съ... Вы напрасно изволите смѣяться.

— Ха, ха, ха! Ужь вы не видали ли ее... Разскажите, пожалуйста, вы видѣли ее? Хи, хи, хи!

— Я видѣть ее не могъ, потому что она жила еще до потопа .. А это я вамъ вѣрно докладываю, что она безъ платья ходила... Потому нашъ архиваріусъ у итальянца себѣ Винеру купили и очень сомнѣвались, чтобъ ихъ жена не обидѣлась, что въ такомъ видѣ... не ловко. Однако же этотъ разнощикъ Христомъ-Богомъ увѣрялъ, что ни въ Петербургѣ, ни за границей нѣтъ Винеръ въ платьѣ, и что въ самыхъ первыхъ домахъ они такъ стоятъ... Это вѣрно-съ!

— Что жь у архиваріуса вашего она такъ и стоитъ?

— Нѣтъ-съ. Жена у него очень строгой нравственности: этого не допустили, хотѣли ее разбить; но какъ пожалѣли, потому что она два съ половиной цѣлковыхъ стоитъ, такъ сшили на нее изъ краснаго кумачу платье; оно, знаете, и прилично и красное-то отъ бѣлаго алибастра отбиваетъ... Очень хорошо... Въ гостиной и теперь у нихъ стоитъ.

— Какъ же это онѣ такъ ходили? Ха, ха, ха! Вѣрно не зябкія были?

— Ужь этого я сказать вамъ не умѣю... Надобно думать, что въ такихъ странахъ жили, гдѣ очень жарко. Вѣдь и теперь пишутъ, есть такіе народы, что ни... то есть, ничего не носятъ.

— Какъ, я думаю, имъ стыдно?

— Конечно, не безъ того. Что же тутъ дѣлать, коли у нихъ эманцыпацыя такая.

— Я бы ни за что не согласилась, хоть озолоти...

— Кто же на это можетъ пойдти.

— Но знаете ли, тамъ, я думаю, къ этому привыкли?

— Конечно привыкли, все одно да одно присмотрится; никакого вниманія не обращаютъ.

— Но все-таки! Вдовушка закрыла глаза руками. — Ахъ, какъ стыдно, я вообразить даже себѣ не могу, какъ это должно быть стыдно... Скажите же, пожалуйста, если это ни Винера, такъ кто же такая?

— Это статуй-съ. Просто, такъ для красоты поставленъ.

— Ну—а ваза эта?

— Ваза-съ. Да не для чего другого, какъ для цвѣтовъ.

— Нѣтъ, не можетъ быть: тутъ и земли не куда насыпать, нельзя цвѣтка посадить. Посмотрите—видите... Да и за чѣмъ же она наклонилась надъ вазой, точно плачетъ?

— А это статуй плачетъ, что и цвѣточка нельзя посадить... Это вѣдь представляется умственно, надо по догадкамъ доходить, что оно означаетъ... Надпись, Варвара Михайловна, прикажете прочитать?

— Непремѣнно, непремѣнно прочитайте:

Чиновникъ прочелъ слѣдующее:

«Подъ симъ камнемъ положилъ я тѣло дрожайшей супруги моей, рабы Божіей, калежской ассесорши и кавалерши, Софьи Захарьевны Крючковой, родившейся 27 августа 1829 года, умершей 15 октября 1849 года».

Покойся милый другъ
До радостнаго утра»!

«Ничего болѣе не желаетъ мужъ твой, калежскій асессоръ и кавалеръ Илья Крючковъ»...

— Какая молодая!.. Умереть въ такихъ годахъ ужасно! Въ двадцать лѣтъ разстаться съ жизнію... Мнѣ, знаете, уже двадцать три года... Вдова лгала не краснѣя, ей перевалило за тридцать...— Конечно, я была за мужемъ и испытала сладость жизни... но я не желала бы умереть.

— Помилуйте... Зачѣмъ же вамъ умирать въ такой молодости? Объ этомъ даже грѣхъ говорить, не только этого желать, потому... Вдова перебила чиновника.

— Разумѣется... Но иногда сидишь этакъ себѣ одна и раздумаешься, особливо весной эти думы приходятъ... Думаешь: какъ пріятно въ семействѣ жить; около тебя, напримѣръ, мужъ и ты его любишь, и онъ тебя любитъ. На службу мужъ уйдетъ, ты хлопочешь объ обѣдѣ, чтобъ все было хорошо и понравилось ему; со службы вернется—вмѣстѣ за столомъ сидишь; гулять вышла съ мужемъ, въ гости пришла съ мужемъ... а теперь все одна да одна, — даже чувствъ своихъ некому разсказать... Сдѣлается такъ тошно, такъ прискорбно, что даже иногда хочется помереть... И отъ чего это происходитъ, я не понимаю?

— Я, Варвара Махайловна, знаю, отчего это бываетъ... Это все отъ крови, смотря по человѣку, кто какой температуры. Теперь возьмите лѣто, жаръ: есть такіе, что они жару вовсе не боятся, потому что у нихъ температура худощавая, а жирному да грузному лѣтомъ смерть, съ трудомъ даже дышетъ...

Вдова подозрительно взглядываетъ на своего кавалера, боясь найти въ его словахъ намекъ на собственную полноту; но видя, что чиновникъ говоритъ безъ всякой задней мысли, прерываетъ только его разговоръ, но не сердится.

— Ахъ, посмотрите, какая прелесть!.. Видите вы, вонъ тамъ, тамъ, на право, крестъ и на немъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ—пойдемъте туда.

Снова почувствовалъ чиновникъ біеніе вдовьяго сердца и прижалъ покрѣпче своей рукой ея круглый и полной локоть. На пожатіе не отвѣчаютъ пожатіемъ, но и руки не отнимаютъ.

— Это хорошо, подумалъ чиновникъ; если она во второй разъ сама мнѣ пожметъ руку, изъяснюсь въ любви, а то опростоволосишься... сдѣлаю шесть шаговъ, снова пожму.

— Что онъ какой странный, разсуждала молча вдова; кажется,

я довольно прямо даю понять... Если онъ во второй разъ пожметъ мнѣ локоть, я... Въ это самое время чиновникъ привелъ въ исполненіе свое намѣреніе и покраснѣлъ, какъ вареный ракъ,—ему отвѣчали... Объясняться было поздно, они стояли передъ крестомъ. Влюбленный, чтобъ скрыть волненіе, началъ громко сморкаться въ клѣтчатый синій платокъ, вдова закатила глаза и глубоко вздохнула. На мраморномъ, довольно искусно высѣченномъ крестѣ висѣлъ пышный вѣнокъ изъ разноцвѣтныхъ иммортелей. Слова надписи гласили слѣдующее:

«Ликуйте ангелы небесны—
Къ вамъ приспѣлъ еще земной!
Викторъ фонъ-Ресгетъ».

Вдова оставила руку своего кавалера, оторвала отъ вѣнка два бѣлыхъ иммортеля, поцѣловала ихъ и спрятала подъ бурнусомъ.

— Знаете, обратилась она къ недоумѣвающему чиновнику, какъ мнѣ вдругъ стало грустно и горько...

— Что же такъ, отчего же, Варвара Михайловна?

— Сядемъ-те вотъ здѣсь, на этотъ камнѣ, поговоримъ. Вдова грузно опустилась на сосѣднюю могильную плиту, чиновникъ присѣлъ по близости на другой. Садитесь сюда, не церемоньтесь, мѣста много, садитесь поближе. Шелестъ шелковаго платья, шуршанье оправляемыхъ юбокъ подѣйствовали на палатскаго чиновника такъ же обаятельно, какъ дѣйствуетъ яркій огонекъ на ночнаго мотылька, — онъ помѣстился бокъ-о-бокъ съ Варварой Михайловной.

— Я, теперича, посмотрѣла на эту надпись и подумала: какъ, думаю, тяжело для родителевъ, когда умираетъ у нихъ дитя... Особливо для матери, сколько она мученій съ нимъ должна выдержать, это даже вообразить себѣ трудно! Отецъ совсѣмъ другое дѣло. Точно, ему жаль бываетъ, даже можно сказать, иные очень убиваются; но только въ точности у нихъ чувствъ, какъ у матери, быть не можетъ, потому что всю болѣзнь одна мать на себѣ переноситъ... Оттого всѣ мужщины такіе безчувственные и женской любви не понимаютъ... Вдовушка опустила глаза въ землю и замолчала.

— Это напрасно, Варвара Михайловна, вы такое понятіе имѣете обо всѣхъ мущинахъ... Если мужчина безъ вѣтренности, онъ понимаетъ, что такое есть любовь.

— Ну, а что такое любовь?

— Зачѣмъ-же, Варвара Михайловна, мнѣ вамъ это объяснять? Конечно, еслибъ вы были дѣвица, я долженъ вамъ въ томъ разѣ объ этомъ говорить; но вы были за мужемъ, и можете знать, въ чемъ состоитъ любовь.

— Конечно, я вдова; но дѣтей у меня не было... Варвара Михайловна взглянула на собесѣдника, который сидѣлъ, какъ на иголкахъ. Лѣвый глазъ его, устремленный на ея шейку, судорожно мигалъ. Я безпремѣнно возьму чужое дитя на свое воспитаніе вмѣсто сына.

— Зачѣмъ же вамъ брать чужого!.. брякнулъ было чиновникъ, но вмѣсто этого, подумавши, счелъ болѣе приличнымъ закашляться.

Вдова замѣтила неестественность этого кашля и продолжала: —Жить въ одиночествѣ я не могу больше... Я такая стала дурная и состарѣлась, что даже, можетъ, противна мущинамъ.

— Это вы напрасно на себя клеплите, Варвара Михайловна... Настоящему мужщинѣ уже большое счастіе составляетъ только смотрѣть на васъ... Вы говорите совсѣмъ напротивъ... Чиновникъ проговорилъ это, глотая слова, краснѣя и блѣднѣя. Настала минута молчанія.

Если бы не было старо и пошло, мы не преминули бы здѣсь сравнить эту парочку съ воркующими на древесной вѣткѣ милыми горлинками. Краснорѣчивое молчаніе недолго длилось. Говорливая вдова вынула съ груди своей сорванные иммортели и, посмотрѣвши на нихъ, подала одинъ цвѣтокъ чиновнику.

— Я вамъ даю цвѣтокъ—потому, хочу, чтобъ вы помнили обмнѣ... Какъ деликатный кавалеръ, я увѣрена, что вы не забудете меня, если я даже и умру... Вмѣстѣ съ цвѣткомъ Варвара Михайловна подарила его такимъ взглядомъ, отъ котораго растаялъ бы любой аскетъ.

— Варвара Михайловна... Варвара Михайловна... Конечно, но мнѣ чинъ не большой, я коллежскій регистраторъ... Чувства, Варвара Михайловна... удержать ихъ... я больше не могу... Какъ вамъ угодно, я рѣшился!.. Любовь я понимаю... Не откажите... Варвара Михайловна... не сдѣлайте человѣка... несчастнымъ. Чиновникъ говорилъ, задыхаясь, не бралъ цвѣтка и крѣпко держалъ въ своихъ рукахъ вдовушкину руку. Вдова легонько отстраняла ега отъ себя.

- Ахъ, что такое съ вами? Пустите мою руку... Какъ вы крѣпко жмете ее... Чего вы хотите отъ меня... позвольте.

— Не пущу-съ, Варвара Михайловна.... Я... вы знаете, чего хочу-съ... Я два года въ васъ влюбленъ... Рѣшите мою судьбу-съ. Онъ началъ цѣловать ее ручку.

— Какъ это можно... Не цѣлуйте мою руку, мнѣ стыдно, тихо говорила торжествующая Варвара Михайловна.

— Стыда въ этомъ нѣтъ-съ... Скажите, Варвара Михайловна: да или нѣтъ-съ?.. Меня начальство любитъ-съ... вы несомнѣвайтесь: вспомоществованіе мнѣ на свадьбу дадутъ-съ... Ей Богу, дадутъ... Только согласитесь за меня выдти... согласитесь... Я сейчасъ разрѣшеніе у предсѣдателя выпрошу-съ, Варвара Михайловна. Снова поцѣлуи ручекъ. Вдова не отвѣчала словомъ, но запечатлѣла на горячей щекѣ чиновника сочнымъ поцѣлуемъ свое согласіе. Это нѣмое выраженіе восторговъ вѣроятно продлилось бы долго, еслибъ изъ-за высокаго памятника не раздался грубый мужской голосъ:

— Пошолъ-те, пошолъ-те отсюда!.. Ишь еще что выдумали здѣсь дѣлать... Мѣста вамъ нѣтъ, цѣловаться-то сюда на кладбище пришли.—Къ могилѣ подошелъ кладбищенскій сторожъ.

— Ахъ! взвизгнула вдова и отскочила въ сторону отъ возлюбленнаго. Чиновникъ, хоть и испугался не меньше вдовы, но не двинулся съ мѣста. Онъ вытянулся передъ сторожемъ во фронтъ и, смотря на него какъ-то тупо, молча, поправлялъ съѣхавшую на бокъ фуражку и застегивалъ пальто.

— Нечего стоять-то да смотрѣть на меня, на мнѣ ничего не написано... проваливай отсель!.. Страмники, а еще, видишь, чиновникъ,—кокарду выставилъ...—говорилъ внушительно-укоризненнымъ тономъ инвалидъ-сторожъ.

— Кто ты такой?.. Какъ ты смѣешь, мерзавецъ, такъ грубо говорить съ благороднымъ человѣкомъ, а?—вскричалъ, оправившись, чиновникъ.

— А коли ты благородный, такъ и держись по благородному; а здѣсь цѣловаться не дозволено, будь хоть графъ. Да—а!

— Что ты врешь! Кто цѣловался? ну, говори, каналья, кто?

— Да ты-же съ мадамой сей-часъ цаловался.

— Что-о? Наступаетъ на сторожа.—Я цѣловался, я-а? Кто видѣлъ, гдѣ свидѣтели!.. Да какъ ты смѣешь! Чиновникъ приходитъ

въ азартъ.—Да знаешь-ли ты, чѣмъ-ты мнѣ за это отвѣтишь, каналья? Тебѣ сорвать что-ли съ меня захотѣлось, а?

— Ну, да ты не больно ругайся со мной, не испугался. Ступай пока по добру по здорову, а то казака кликну... Не посмотрятъ, что ты благородный, оттащатъ въ кварталъ за такія дѣла...

— Пойдемъ-те, пойдемъ-те отъ этаго грубіана скорѣй,—сказала вдова, подавая руку разсвирѣпѣвшему чиновнику.

— Ну, ты помни-же!.. Я еще найду тебя, старая крыса;—злобно грозился чиновникъ, увлекаемый Варварой Михайловной.

— Ладно, ладно, ворчалъ сторожъ; — некогда мнѣ съ тобой возиться только—вонъ батюшка идетъ панофиду служить, а то бы я тебѣ показалъ, какъ здѣсь этакія дѣла заводить... Диви-бы простой какой человѣкъ, а то чиновникъ... У-у-у, пакостники, право пакостники!.. Какъ этакихъ въ службу-то принимаютъ, диво да и только.

— Это удивительно, какіе у насъ въ Россіи дерзкіе люди,—замѣтила вдова, вступая на извилистую тропинку, которая вела еще въ болѣе отдаленную часть погоста.

— Чего же можно отъ нихъ ожидать, Варвара Михайловна? Народы дикіе, нравы грубые, сердца жестокія,—отвѣтилъ чиновникъ и оба скрылись на поворотѣ тропинки.

Къ могилѣ, на которой сидѣла влюбленная чета, подошелъ священникъ въ сопровожденіи поминальщиковъ, и печальные, похоронные звуки панихиды раздались надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ еще такъ недавно сторожъ подслушалъ:

«Шепотъ, робкое дыханье...

Подъ вѣтвистой плакучей березой, передъ печальной, размытой осенними дождями могильной насыпью, припавши ничкомъ къ землѣ, лежала почти неподвижно женщина. По матерчатой душегрѣйкѣ, шерстяному, разноцвѣтному чиновному платку и росписному ситцевому сарафану можно было догадаться, что лежавшая не принадлежала къ коренному московскому мѣщанству. Цивилизація, къ крайнему огорченію славянофиловъ, изгнала сарафанъ даже изъ гардероба мѣщанокъ. Его носятъ одни *приписныя*, т. е. жены крестьянъ, откупившихся на волю и причислившихся къ мѣщанскому обществу. Но и онѣ, лишь только успѣютъ осмотрѣться въ своемъ новомъ положеніи, перестаютъ быть храни-

тельницами народнаго костюма и мѣняютъ всевозможныя кики, тѣлогрѣи, душегрѣи и сарафаны на шляпки, салопы и платья. Противъ нея сидѣли двое: довольно плотный, рыжій и бородатый мущина и рыхлая, какъ сырое калачное тѣсто, женщина. Мущина былъ одѣтъ въ синій длиннополый сюртукъ на распашку; изъ подъ зелено-красной жилетки рыжаго бархата спускалась на плисовыя шаровары выправленная александрійская рубашка, а шаровары въ свою очередь исчезали въ высокихъ подборахъ смазныхъ сапоговъ. Синяя чуйка въ накидку и круглая шляпа, надѣтая на бекрень, говорили, что это—франтъ не послѣдней руки. Маленькіе, сѣрые глаза его смотрѣли хитро и самодовольно. Во взглядѣ его свѣтилось нѣчто такое, что высоко цѣнятъ гостиннодворскіе хозяева въ своихъ прикащикахъ, и на что ловится неопытный покупатель. Для такихъ господъ завернуть одну покупку вмѣсто другой, подсыпать въ муку для тяжести мелкаго песку, обсчитать сдачей покупателя, шмыгнуть аршиномъ мимо матеріи — *плевое дѣло*. Обманъ и подлогъ устраиваютъ ихъ карьеру: они обыкновенно начинаютъ *ловкими* прикащиками и оканчиваютъ *несчастными* банкротами. Женщина, въ голубомъ шелковомъ салопѣ и лиловомъ платкѣ на головѣ, была набѣлена и нарумянена до невозможности. Маляръ, бѣлящій казенное зданіе, накладываетъ гораздо тоньше слой мѣлу на стѣны дома, чѣмъ слой бѣлилъ, покрывавшій пухлыя щеки этой особы. Это сравненіе, право, не гипербола. Послѣ утренняго умыванья, самый ближайшій родственникъ, даже мужъ не узналъ бы лица ея. Рябины въ добрую горошину и красныя пятна скрывались подъ бѣлой щекотуркой, а безцвѣтныя брови подщипывались и сурмились. Одни глаза не измѣняли своего тупаго, животнаго выраженія и ровно безсмысленно оттѣнялись какъ на рябомъ, такъ и на отбѣленномъ лицѣ. На могилѣ стоялъ штофъ водки, тарелка съ блинами и другая съ кутьей...

— Мамонька-съ! началъ мущина, обращаясь къ лежащей,—пожалуй-те помянуть; ужъ довольно хорошо вы причитали, будетъ-съ, время помянуть-съ...

— О-охъ, постой-ка ты, постой... отвѣчала та, не поднимаясь съ земли..—.Красное ты мое солнышко!—на распѣвъ заголосила она, легонько поварачиваясь съ боку на бокъ... На кого ты меня покинулъ, глупую, неразумную... Какъ мнѣ безъ тебя, сердечнаго, вѣки ѣковать, жить поживать?.. Нѣту коло меня промысловой

твоей головушки, не поднимешь ты коробельныхъ своихъ ручекъ... Обѣднѣла я безъ тебя, обнищала. Охо-хо-хо! Сердечный другъ, прожили мы съ тобой тридцать годочковъ, ровно три денька, въ любви да въ согласіи... Осталась я, не разумная, безъ помоги твоей, одна одинёшенька, не смышлёхонька.

— Мамонька! Шлюшиха-то отошла, не смотритъ,—передохните маленко... Понапрасну теперича причитать станете, — никого изъ знакомыхъ-то нѣтъ, разошлись.

Мамонька приподняла голову и осмотрѣлась кругомъ.

— А—и то ушли! сказала она, быстро вставая на ноги. — Ужъ и измаялась я, инда горло перехватило... Ну да ладно, не будетъ теперь Шлюшиха глаза колоть, что надъ мужниной могилой я не голосила, что будто причитать не умѣю.

— Пустая она баба, нестоющая вниманія, мутитъ да ссоритъ съ одной зависти... замѣтилъ мужчина и обратился къ сосѣдкѣ въ голубомъ салопѣ. Давай-ко сюда, Агаша, ложку да тарелку съ кутьей... Мамонька, присядьте-съ, прошу покорно.

Агаша вынула изъ кармана серебрянную ложку, а изъ другого вызолоченную чарку и, вмѣстѣ съ тарелкой кутьи, передала мущинѣ. Мамонька, женщина лѣтъ пятидесяти, съ сморщеннымъ лицомъ, на которомъ ясно отпечатлѣвалось ханжество, лицемѣріе и крайняя недалекость, расправила душегрѣйку и усѣлась рядомъ съ Агашей.

— Пожалуйте, мамонька, помянуть-съ, а послѣ чарочку-съ шпанской горечи выкушать; сказалъ сынъ, подвигая къ матери кутью...— А послѣ блинковъ, блины чудеснѣйшіе.

— Да ты самъ, Митя, прежде,—возразила мать.

— Нѣтъ ужъ, какъ показано, по старшинству. Пожалуйте! настаивалъ Митя. Мать взяла на ложку кутьи, перекрестилась большимъ крестомъ и, проговоря: «вѣчная память», пронесла ложку въ ротъ.

— А теперь чарочку-съ,.. пожалуйте. Митя налилъ чарку водки и передалъ матери.

— Да ты жену-то потчуй, да и самъ-то пей.

— Поспѣемъ, пригубьте.

Мамонька пригубила, т. е. не поморщившись выпила, какъ говорится, «на лобъ» объемистую чарку горькой водки.

— Закусить-то, вотъ блинками закусите,—просилъ Митя.

— Блинковъ—можно! Снова мамонька осѣнила себя большимъ кре-

стомъ и снова проговорила: «вѣчная память», пронося въ ротъ масляный блинъ.

— Теперь и мы помянемъ! Митя съ такими же пріемами съѣлъ ложку кутьи, выпилъ рюмку горечи и закусилъ блиномъ.—Что-же ты? обратился онъ къ Агашѣ, видя, что та не налила себѣ водки. — Выпей, небось, никого нѣтъ, не осудятъ.

— Полно-ко, чтой-то ты, Митрей Митричъ, гдѣ мнѣ экой амегъ пить... Я съ чарки, пьяная упаду,—отвѣтила скороговоркой Агаша.

— Ну, не кобенься-же, пей, мамонька старый человѣкъ, да не отказывается; замѣтилъ не совсѣмъ мягко супругъ.

— Али ужъ выпить одну! нерѣшительно и полувопросительно проговорила Агаша, и вслѣдъ за тѣмъ быстро выхлебнула полную чарку.—У—у—у! зелье какое, ядъ!.. прибавила она больше для приличія и закрыла ротъ ладонью. Потомъ всѣ молча принялись въ запуски истреблять блины. Когда на тарелкѣ остался одинъ блинъ, мать, не рѣшаясь взять себѣ этотъ *стыдливый* кусочекъ, сочла за лучшее нарушить молчаніе.

— Напрасно, Агаша, не повоешь надъ свекоромъ-то, смотри коли кто не осудитъ... Хоша онъ и свекоръ тебѣ, а попечалиться, матка, не мѣшаетъ.

— Для че бы и не повыть, да солопъ-то матерчатый боюсь, спортить,—отвѣчала Агаша.

— А ты, матка, чуйку мужнину на-ничку вывороти, разстели да и котайся по ней, одежи не испортишь... А то вотъ этакая Шлюшиха слухъ пуститъ, какъ про меня, не хорошо. Этто на свадьбѣ у Демикатоновыхъ, начала меня позорить она, что и такая я и сякая, и мужъ-то покойникъ походя—да зря меня билъ, что всѣхъ домашнихъ я поѣдомъ заѣла; ну, знамое дѣло, на все это я ей отпѣла прекрасно, что даже со злости она позеленѣла вся... Такъ дерни ее нечистый, согрѣшила я грѣшница, покорить меня, что памяти по мужѣ какъ подобаетъ не справляю—на могилкѣ мужниной въ родительскія субботы никогда не причитаю, а?.. Даже всѣ ахнули!.. а я вотъ какъ на огнѣ сгорѣла, потому по слабости человѣческой точно закону этого я не исполняла и говоритъ противъ Шлюшихи мнѣ ужъ было не возможно, какъ сама я была виновата. Вотъ сегодня за всѣ разы завыла, пусь не коритъ...

— Мамонька-съ! перебилъ ее Митя:—пожалуйте еще чарочку.

— Не много-ли, Митя, не захмѣлѣть бы?

— Ничего-съ, какой хмѣль — время осеннее... Теперь отъ водки одна теплота... откушайте-съ, и я за вами. Съ одной то хромать станешь, право-съ.

Маменька и сынокъ выпили.

— Что-же вы, блинкомъ закусите?

— Закусывай самъ... я и такъ...

— Какъ это возможно такъ... кушайте, наше дѣло привычное... Возьмите, — приступалъ Митя.

— Да развѣ пополамъ?

— И то можно-съ.

Стыдливый блинъ былъ раздѣленъ и съѣденъ пополамъ.

— Ну-ка, Митя, я тебѣ не сказала, какой нынче со мной грѣхъ случился, ужъ не знаю, какъ это мнѣ зачтется, право не знаю... Такое дѣло...

— Что такое-съ?

— Подала я поминанье, чтобъ просвирку за упокой мужа вынули. Народу въ церкви не протолкная и все съ поминаньями. Вотъ дотолкалась, подхожу за просвиркой своей,—дьячек ъраздавалъ,—выноситъ онъ просвиру и поминанье, приняла я отъ его и отошла къ сторонкѣ. Гляжу я на поминанье, ровно бы не мое,—на моемъ-то два Митрія, Акулина да Степанида значились, а на этомъ ничто много именъ понаписано. Взяло меня сумлѣнье, подошла я къ одному духовному—семенаристу и прошу его это прочитать. Началъ онъ мнѣ поминанье читать, такъ я нали испужалась, все имена-то мудреныя да словно бы не христіанскія, именъ десять. Дай Богъ память, какъ оно... Да—да, Фортунатъ какой-то... Думала я, думала: какой такой Фортунатъ человѣкъ? Робость меня взяла. Помнилось мнѣ, не дьявольское-ли это навожденіе... Пошла къ дьячку, а у самой колѣнки дрожатъ. Говорю ему: такъ и такъ, въ поминаньи у меня Митрій, Акулина да Степанида значатся, а Фортуната никакого нѣтъ, ошибся де ты—чужую просвиру мнѣ вынесъ, чужихъ поминать я не намѣрена. Обозвалъ онъ меня дурой да и ушелъ въ алтарь... Такъ я поминанье этого Фортуната и съѣла. Вотъ и не знаю, зачтется ли это моимъ сродственникамъ, али одному Фортунату пойдетъ... Ѣла просвиру-то да все поминала: Митріевъ, Акулину да Степаниду, Митріевъ, Акулину да Степаниду, разъ съ десять помянула... Кажется, надо бы имъ зачесть, а не знаю, какъ будетъ...

— Страсти Господни! кто такія имена придумываетъ! воскликнула Агаша.

— Это еще что за мудреное имя!.. Когда мы за бариномъ состояли, такъ онъ самые что ни на есть чудныя имена новорожденнымъ прибиралъ. Ни отецъ, ни мать изъ дворни не смѣй окрестить ребенка, покась онъ имени не дастъ. Напишетъ имя на записочку, эту записку снесутъ вмѣстѣ съ ребенкомъ попу и какое имя написано, такое и долженъ попъ при крещеньи дать. Во всей дворнѣ у насъ необнаковенныя имена были: Форейтора звали Смарагдъ, поваришковъ одного—Дула, другаго—Осана, камердинера—Филологъ а казачка—Философъ; горничнымъ дѣвкамъ прибиралъ самыя, такъ сказать, зазорныя имена: одну окрестили Проскудіей, другую—Коздоей, третью—Макриной... Срамота послушать!.. а прибиралъ все по святцамъ, имена законныя. Вотъ какой азарникъ былъ!

— Заговорилась я съ вами, чуть было и не позабыла... перебила мать разсказъ Мити и быстро встала на ноги...—Налей-ко, батюшка, водочки чарку да подай тарелку съ кутьей. Митя исполнилъ желаніе родительницы.

— Вѣчная память, царство небесное!—съ умиленіемъ, вполголоса произнесла она и вылила рюмку водки на могилку мужа.—О-о-охъ! любилъ, покойникъ свѣтъ, въ хорошей компаніи рюмку выпить. Вѣчная память, вѣчная память! твердила она, обсыпая кутьей всю могилу.—Ты, Митюшка, закажи, батюшка, бесѣдочку коло могилки-то, столикъ да скамейку, а то не гдѣ у сожителя-то и посидѣть... вмѣстѣ съ памятниками и заказалъ-бы.

— Я, мамонька, заказалъ-съ,—по веснѣ поставятъ въ лучшемъ видѣ.

— То-то... Не пристало родителю-то такъ лежать, словно безродку какому—не вѣсть что про тебя станутъ говорить... Не хорошо!

— Чему хорошему быть; мы не нѣмцы, да и у тѣхъ, сказываютъ, на могилахъ-то кресты стоятъ, одначе мы русскіе и должны свой законъ соблюдать... У меня бесѣдка заказана отличная, въ розовую краску окрасить сговорилъ, скамейка просторная, хоть выспись... Откушайте-ка рюмочку горечи. Митя подалъ матери чарку.—Памятникъ такой поставимъ, что въ носъ бросится; первогильдейскому купцу подъ такимъ лежать не стыдно-съ.

— И со стишкомъ? спросила любопытно мать.

— Извѣстно, со стишкомъ-съ... У насъ дьячекъ въ приходѣ на счетъ стиховъ шустрый,—за полъ-штофъ какую хочешь рацею сочинитъ.

— Ты, Митюшка, какъ заказывать-то стишокъ станешь, накажи, чтобъ помянулъ онъ въ немъ про смертную сѣкиру. Надъ дѣдушкой то же крестъ стоитъ, крестъ-то, сказать, не заправскій только надпись-то ужь очень жалостна; ужъ забыла я теперь весь стишокъ, помню начинается: «Смертная сѣкира съ жизнью разлучила», а тамъ и пойдетъ, и трубный гласъ и райская обитель, про все, про все помянуто, больно занятно.

— Про все, мамонька, помянемъ-съ; будьте безъ сумленія въ этомъ.

— Разумникъ ты у меня, да! печально вздохнувъ сказала мать; мы-то вотъ здѣсь объ немъ печалимся, а онъ тамъ радуется, мы слезы льемъ, а онъ ангельской улыбкой улыбается да на насъ невидимо смотритъ... Повой ты матка, Агаша, ему тамъ это зачтется, сердечному; вѣдь имъ тамъ все зачитается, не полѣнись, матка, повой для его душеньки, а я послушаю.

— Съ моимъ великимъ удовольствіемъ, отвѣтила Агаша, сняла съ мужниныхъ плечь чуйку и стала раскладывать ее по землѣ.

Въ это самое время къ сидящимъ подошелъ человѣкъ въ полумонашескомъ костюмѣ. На головѣ у него была надѣта черная шапочка въ родѣ скуфьи, отрощенные волосы лежали по плечамъ, темно-бурый грубаго сукна халатъ былъ стянутъ въ таліи кожаннымъ широкимъ поясомъ. Опершись на палку, онъ остановился не вдалекѣ отъ могилы и произнесъ нѣсколько въ носъ и на распѣвъ:—«Страннику, ко граду Іерусалиму грядущему, подайте, православные христіяне. Отъ юности моея возлюбихъ странствіе, удостоенъ былъ азъ многогрѣшный узрѣть кіевскія пещеры, соловецкую обитель и иныя, многія достославныя вѣси, идѣ же труженицы многоспасительное житіе скончали и подвигами весь міръ преисполнили. Въ пустыняхъ и дебряхъ скитахся, отъ студенаго моря сюда пріидохъ, многія болѣзни, велій гладъ и мразъ претерпѣхъ и не убояхся. Восхотѣлъ бо, многогрѣшный, свое скудельное естество, тѣломъ нарицаемое, погребсти во святой землѣ. Ревнуйте, православные, да уготоваю азъ, недостойный, пути своя! Воздаяніе сторицею не отъ рукъ получите». Кончивъ заученное на зубъ вступленіе, странникъ отвѣсилъ глубокій поклонъ и зоркимъ взглядомъ осмотрѣлъ присутст-

вующихъ, желая безъ сомнѣнія уяснить себѣ, какое впечатлѣніе произвела его рѣчь на слушателей. Слова странника пришлись всѣмъ по душѣ. Его длинная съ просѣдью борода, худое, помятое лицо, распущенные, темнорусые волосы, яркіе на выкатъ глаза, благоговѣйная мина и сучковатый посохъ уже обаятельно подѣйствовали на женщинъ. Дмитрій Дмитріевичъ сначала недовѣрчиво взглянулъ было на странника, но услыша, что онъ говоритъ по церковному, умилился; мать-же его и жена рѣшили, что это *подвижникъ*.

— Примите, батюшка, не взыщите... по достаткамъ нашимъ, что можемъ, — говорила мать, вручая страннику трехгривенный. Странникъ низко кланялся.

— Всякое даяніе благо, всякъ даръ совершенъ... И вдовицына лепта.... началъ онъ говорить на распѣвъ.

— Развѣ ты батюшка, слышалъ отъ кого, что я овдовѣла?—перебила она странника и толкнула локтемъ невѣстку, проговоривъ ей скороговоркой на ухо: *провидѣцъ*, матка, *провидѣцъ!*

Странникъ тотчасъ же смекнулъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, поднялъ глаза къ небу, съ минуту молча посмотрѣлъ упорно и пристально вверхъ, потомъ закрылъ глаза и покрутилъ головой. Всѣ трое смотрѣли на него, затая дыханіе.

— Сердце мужа чувственно, печаль души его: егда же веселится, не примѣтается досажденію... Мудрыя бо жены создаша домы, безумная же раскопа руками своими; прорекъ онъ торжественнымъ голосомъ.

— Это кто же будутъ мудрыя-то, а кто безумныя?—робко спросила мать... Странникъ молчалъ, опустя голову.

— Можетъ, батюшка, удостоите присѣсть, люблю я, грѣшница, разговоры эти, отъ божественнаго. Кажется, вотъ весь бы день такъ и слушала и объ ѣдѣ-то забудешь.

— Не о единомъ хлѣбѣ человѣкъ сытъ бываетъ!—замѣтилъ странникъ, усаживаясь на землю и искоса посматривая на полуштофъ.

— Какъ васъ, батюшка, звать-то, имя-то ваше?

— Рабъ божій Алундій, госпожа честная.

— Можетъ, отче Алундій, не побрезгаете: блинковъ откушаете?

— Предлагаемое да ѣдятъ, отвѣчалъ Алундій, не смотря никому въ лицо.

— Сбѣгай-ко, Митя, поскорѣй къ палаткамъ, возьми десяточекъ блинковъ... Митя схватилъ тарелку и быстро отправился за блина-

ми... Ужъ—и боюсь... какъ бы не прогнѣвить васъ... можетъ, теперь водку пить воспрещено, отецъ Алундій.

— Разрѣшеніе вина и елея! сказалъ странникъ и принялъ изъ ея рукъ чарку.—Вѣчная память усопшимъ! здравіе и долголѣтіе живущимъ! произнесъ онъ, съ наслажденіемъ медленно выпивая водку.

— Спасибо, честной отецъ, спасибо... А что, батюшко, прости ты меня глупую, что я тебя спрошу: трудно въ пустыняхъ-то жить?

— Житіе въ пустыняхъ, матушка, жестокое... вышеестественные подвиги пустынножители пріемлютъ...

— Такъ, такъ, о Господи помилуй! Что же тамъ въ этой пустынѣ вы дѣлаете?

— Плоть свою всѣми виды томимъ.

— Вотъ, батюшко!.. Чай съ непривычки-то куда какъ трудно бываетъ плоть-то свою томить?

— Веліи труды подъемлемъ... Врагъ рода человѣческаго — діаволъ все усердіе полагаетъ, дабы соблазнить единого изъ насъ...

— Какъ не соблазнять, на то онъ въ міръ посланъ... Охъ, Господи помилуй. Мясного-то, чай, въ пустыняхъ не вкушаете?

— Мясныхъ пищей не вкушаемъ, дабы не лишиться за то небесной пищи. Въ посты и рыбы не пріемлемъ, токмо, хлѣбъ съ солію и съ пепеломъ смѣшая, ѣдимъ.

— Вотъ какъ Агаша, съ пепломъ!.. вскричала мать и перекрестилась... Подвижники, вами міръ грѣшный держится,—прибавила она съ умиленіемъ.

— А какъ, отецъ Алундій, сказала Агаша,—толкуютъ, что зайца ѣсть не положено, какъ по священному?

— Не положено, не положено! Не снѣсти, сказано, всякія мерзости: верблюда, и зайца, и хирогрулла, орла и грифа, неясти иктина, и врана, и врабія, и выпелицы, и каторокта, и вдада, хородріона и теслоноса, и подобныхъ симъ.

Митя принесъ блины и поставилъ передъ Алундіемъ.

— Просимъ милости, откушай, батюшко, блинковъ,—просила съ поклонами мать. Да можетъ еще водочки?

— Можно, мрачно отвѣчалъ странникъ. Митя налилъ и подалъ ему съ низкимъ поклономъ. Алундій съ разстановкой, тонкой струей пропускалъ въ горло эту живительную влагу, какъ пьютъ завзятыя пьяницы, потомъ съ какимъ-то остервененіемъ сталъ рвать блины, набивая ими ротъ.

— Вотъ, Митрій Митричъ, отецъ Алундій говоритъ, что зайцевъ ѣсть грѣшно,—обратилась Агаша къ мужу:—по книгамъ, ихнымъ это показано, а мы ѣдимъ.

— Не довлѣетъ, не довлѣетъ! проговорилъ странникъ, прожевывая блины.

— Ты, теперь, какъ хочешь, Митрій Митричъ,—зайца я готовить не стану, хоть ты его любишь... Окромя грѣха, всю посуду опоганишь, лучше и не покупай, горячилась Агаша.

— Звѣрь мерзостный! замѣтилъ странникъ.

— Не зачѣмъ и покупать, коли мерзостный... Митя, чай, въ законѣ православномъ живетъ, не арапъ какой безбожный. А ты насъ, Агаша, не перебивай! Дай вотъ отца Алундія послушать,—внушительно сказала мать...—Какими же способами, батюшка, вы плоть-то свою томите?

— Многообразно, матушка, многообразно: власяницу по нагу тѣлу носили, или поясъ, отъ желѣзъ устроенный.

— Вотъ какъ, батюшко!

— Молчаніемъ себя украшаемъ, продолжалъ Алундій.

— Не мы видно, грѣшные. Все-то суетное да мерзкое у насъ на умѣ, а вы все о горнемъ. Господи помилуй! все о горнемъ.

— А какъ, батюшко, насчетъ недоносковъ — выкидышей, есть въ этомъ грѣхъ какой? обратилась Агаша.—Сказываютъ, что души въ нихъ нѣтъ, одинъ паръ... Какое имъ мѣсто назначится, куда они пойдутъ на...

— Полно, полно, матка! Все ты о непутномъ спрашиваешь, перебила ее мать.—Не хорошо!

— Да что же, мамонька, это вѣдь не такое что, у нихъ чай по книгамъ это значится, какъ на счетъ выкидышей...

— Молчи! коротко и сурово замѣтилъ Митя. Агаша сжала губы въ копѣечку и надулась.

— Невѣстушка? Проговорилъ странникъ, осматривая любовно Агашу.

— Невѣстушка, отвѣчала мать,—бабеночка, знаешь, молодая, году еще за мужемъ не выжила, такъ любопытствуетъ по женскому своему любопытству... въ тягостяхъ... полушепотомъ прибавила она, наклонясь къ уху Алундія.—Больно мальчика хочется—сынка.

— И да будетъ по хотѣнію ея! таинственно отвѣтилъ странникъ, поднимая руки къ небу.

Мать передала слова его Агашѣ, и обѣ перекрестились.

— Какъ у васъ тамъ, въ пустынѣ-то избы что ли понадѣланы?

— Кельи изрядныя устроены.

— И братіи много?

— Достаточно, госпожа, достаточно.

— И все, чай, мужской полъ?.. Намъ, женскимъ дѣломъ, трудно себя въ такой жизни соблюсти... Женщинъ-то у васъ нѣтъ?

— Есть, какъ не быть...

— Ну, чай, въ спасеньи-то до мужчинъ имъ далеко?

— Нѣтъ, госпожа. Послѣдняя и немощнѣйшая чадь женская показа ревность и древнихъ мужей пріимъ силу... изошедъ изъ міра, житіе жестокое въ пустынѣ проходятъ.

— Вотъ какъ, батюшко! Хоть бы глазкомъ однимъ на ваши пустынные подвиги посмотрѣть... То-то, чай, умилительно?

— А какъ, отецъ Алундій, сказываютъ, что если паука убить, сорокъ грѣховъ снимается, а птицу въ Благовѣщеньевъ день на волю выпустить—сколько грѣховъ прощается? Пауковъ-то я почесь каждый день бью, въ гумнѣ ихъ у насъ видимо-невидимо....

— Чтой-то, Агаша, словно ты малой ребенокъ!.. безпокоить ни вѣсть чѣмъ отца Алундія. А-а-ахъ! молодо еще зелено! съ укоризной замѣтила мать...—Все въ васъ мірскіе помыслы.

— Да вѣдь, мамонька, на счетъ спасенья, тутъ мірского нѣтъ...

— Я тебѣ сказалъ: молчи!... Что еще хочется?.. Есть кому потарше тебя говорить, ты должна слушать... Я твой мужъ и не глупѣе тебя, а молчу...—Не удостоите ли, отецъ Алундій, еще водочки? отнесся Митя къ страннику, желая прекратить непріятный разговоръ съ женой.—Пожалуйте-съ! Онъ налилъ чарку и подалъ Алундію. Странникъ выпилъ и поставилъ чарку близь себя.

— Цѣльный день вы въ молитвахъ пребываете? спросила мать.

— Не токмо день, но по вся нощи правило келейное исполняемъ съ великимъ умиленіемъ и съ слезами.

— Неужто и въ постелю не ложитесь, не почиваете?

— Постели отнюдь не имѣемъ, но на голой землѣ или на лавцѣ малый сонъ пріемлемъ, на ребрахъ и почиваемъ!

— Ахъ подвижники, подвижники!

— Воды на голову и на ноги не полагаемъ во всю жизнь, а вшей у себѣ не имѣемъ.

— Чудеса!.. Ну, а женщины-то какъ?

— Жены жалостнымъ, умиленнымъ гласомъ поютъ, индѣ плачутъ со гласомъ и скорбію; крестное знаменіе и поклоненіе зѣло и прилежно на лица полагаютъ.

— А одѣяніе-то какое носятъ?

— Вѣтхое, многокропанное, многотынное одѣяніе на себѣ носятъ, и въ оныхъ же въ зимнія мразныя ночи на улицѣ молитвословіе творятъ. Жены благоприступны у насъ, госпоже, и милостивы....

Рѣчь Алундія прервалъ подошедшій къ могилѣ господинъ. Это былъ высокій, плотный мущина, лѣтъ за пятдесять, съ красно-синимъ, немножко рябоватымъ лицомъ, съ сѣдыми, тщательно закрученными вверхъ усами и маленькими водяными глазами, которые онъ страшно таращилъ, желая придать своему взору строгую суровость и внушить къ себѣ уваженіе. Засаленный черный сюртукъ его былъ застегнутъ на всѣ пуговицы, грудь украшалась нѣсколькими грязными орденскими ленточками; панталоны, цвѣтъ которыхъ мы отказываемся опредѣлить, доходили только до икръ и спускались грязными отшмыганными фестонами на порыжелыя голенищи, которыя въ свою очередь искусно были вправлены въ гуттаперчевыя блестящія галоши. Старенькая фуражка съ краснымъ околышемъ и офицерской какардой покрывала его сѣдую голову. Солдатская казарма оставила неизгладимые слѣды на его внѣшности. Смѣло, гордо, фронтовой походкой онъ подошелъ къ бесѣдующимъ и, пргложивши къ кокардѣ руку, небрежно кивнулъ имъ головой.

— Почтенные сограждане! началъ онъ громко и сиповато.—Позвольте утруждать васъ моею просьбою: предъ вами стоитъ воинъ, бывшій въ осьмнадцати сраженіяхъ, проливавшій свою кровь въ защиту родины и принесшій всѣ силы на алтарь любезнаго отечества. —Помогите капитану израненному и удрученному тяжкими болѣзнями. Васъ проситъ благородный кавалеръ;—онъ указалъ рукой на свои орденскія ленточки.

— Богъ подастъ, не взыщите, — отвѣчала съ поклономъ мать. Дмитрій Дмитріевичъ нахмурился, Агаша боязливо и тупо посматривала на воина, а странникъ торопливо взялъ въ руки посохъ, чтобъ на всякій случай быть готову улизнуть.

— Я васъ не утруждаю большимъ, помогите благородному человѣку, чѣмъ можете... рубль... Воинъ пытливо посмотрѣлъ на всѣхъ...—Полтинникъ... Точно такой же взглядъ и внушительное

молчаніе — Наконецъ ничтожный четвертакъ, надѣюсь, не раззоритъ васъ, сказалъ онъ съ пренебреженіемъ.

— Нѣту денегъ съ нами... не взыщите! отвѣчала мать.

— Нѣту денегъ! Странно, очень странно. Ну, двадцать копѣекъ?... пятіалтынный... гривенникъ... и того нѣтъ?

— Сказано, нѣтъ, чего еще надо!—нетерпѣливо замѣтилъ Митя.

— Сказано нѣтъ! повторилъ воинъ, передразнивая Митю.—На нѣтъ и суда нѣтъ... Въ такомъ разѣ позвольте мнѣ, какъ благородному человѣку, рюмку водки... Что, и этого жаль? На вопросъ ему не отвѣчали. Подождавъ немного, онъ отставилъ лѣвую ногу впередъ, поднялъ на отлетъ правую руку и продекламировалъ торжественнымъ гблосомъ:

О вы, что истины священной
Избраны присидѣть стопамъ,
Я голосъ лиры восхищенной
Въ восторгѣ обращаю къ вамъ!
Не отымите гладнымъ пищу,
Судите правдой сира, нищу,
Не презрите вдовицы слезъ;
Ни лучь сребра, ни хитры лести
Да вашихъ не затмятъ очесъ.

— Чтожь, позвольте мнѣ, какъ благородному человѣку, рюмку водки, а? Дадите, или нѣтъ, а? Да чтожь, отвѣтите вы или нѣтъ? — Всѣ молчали... Проходящіе съ любопытсвомъ останавливались и смотрѣли на декламатора. Около этой группы собралась порядочная кучка зрителей.

— Да никакъ, братецъ, это нашъ рядскій *капитанъ—сѣра*?— говорила одна синяя чуйка другой.

— Онъ, онъ... Да чего онъ къ нимъ присталъ, потѣшаетъ; народъ, они по виду-то серьёзной, вишь и монахъ съ ними сидитъ; отвѣчала другая.

— Може, *съ опытомъ* подошелъ, пробуетъ, то есть, просто, *сорвать подаянье* хочетъ; даромъ приставать не станетъ... Подождемъ, что будетъ?

— Подождемъ,—ишь ты какъ онъ выступаетъ...

Воинъ трагической походкой подошелъ къ самому Дмитрію Дмитріевичу и, размахивая яростно руками, загорланилъ:

О звѣрь безчувственный,
Безъ разума и сердца!...

— Слушай ты! — вскричалъ Митя, вскакивая на ноги...—Проваливай, покесь цѣлъ, слышишь?.. Проходи, тебѣ говорятъ.

— Что-о? грозно скрестивъ руки на грудь, протяжно пробасилъ капитанъ.—Какъ ты мнѣ смѣешь такъ говорить, а?—борода? Я моему государю капитанъ, а ты кто таковъ, а? Я кровь свою за вѣру проливалъ, я разныхъ орденовъ кавалеръ... А ты, алтынникъ, вершинникъ, смѣешь со мной тыкаться?

— Я тебѣ въ послѣдній разъ говорю, уходи, не ругайся.

— А я не только не уйду, а вотъ еще здѣсь сяду... Здѣсь земля не откупная,—на вотъ, смотри. Капитанъ сѣлъ рядомъ съ Агашей.

— Мнѣ очень пріятно такую сосѣдку около себя имѣть. Я кавалеръ, сударыня, обходительный, съ малыхъ лѣтъ влеченіе къ женскому полу имѣю... ась?—обратился онъ къ ней.

— Митрій Митричъ!... Пристаетъ... что за напасть такая!—вскричала Агаша, отодвигаясь отъ капитана.

— Уйдешь ты или нѣтъ?... Чего тебѣ еще хочется? наступая на капитана, озлобленно говорилъ Митя.

— Какъ васъ, сударушка, звать, по имени, отечеству величать? приставалъ воинъ къ Агашѣ, не слушая и не смотря на ея мужа.—А вы не отодвигайтесь, воздухъ прохладный, поближе-то сидѣть потеплѣе. А вы салопчикъ-то застегивайте, не ровно простудитесь... Дайте-ко, я васъ закутаю.—Капитанъ нагнулся къ Агашѣ и протянулъ руки, чтобъ застегнуть салопъ.

— А, батюшки, Господи!.. что за ахальство такое!—вскричала она, откидываясь назадъ всѣмъ тѣломъ.

Митя потерялъ терпѣніе и изо всей силы толкнулъ капитана въ плечо. Тотъ только этого и ждалъ,—онъ упалъ лицомъ на землю, руками схватился за длинныя полы Митина сюртука и заоралъ во все горло.

— Батюшки, караулъ!... Караулъ — убилъ!.. Батюшки, помогите... Помогите—караулъ! Онъ катался по землѣ, не отпуская сюртучныхъ полъ.

Толпа тѣснѣе и тѣснѣе сдвигалась. На крикъ со всѣхъ сторонъ сбѣгался народъ. Даже торговцы сайками, калачами, колбасами, грушами и квасомъ спѣшили на зовъ казенной пѣсни.

— Бей, его бей!—на бѣгу надѣвая засаленную чуйку, кричалъ молодой парень, ремесленникъ, не понимая въ чемъ дѣло, и не видя никого, кромѣ бѣгущей толпы. Странникъ пользуясь происшедшимъ смятеніемъ, счелъ не лишнимъ положить въ карманъ серебряную чарку и юркнуть въ толпу.

— Батюшка, ваше высокоблагородіе, брось ты его, оставь... На, вотъ возьми двугривенничекъ... Прости его Христа ради! уговаривала капитана мать Мити.

— Нѣту, здѣсь не двугривеннымъ пахнетъ... Пусть ведутъ въ часть... Ой... караулъ! убилъ, убилъ! уцѣпившись за полы, стоялъ на колѣняхъ и кричалъ во все горло капитанъ.

— Эки грѣхи стряслись, Господи!.. Возьми полтинничекъ...

— Полноте, мамонька! поребилъ ее Митя, стараясь вырвать полы изъ рукъ воина. — Пусти, тебѣ говорятъ, пусти!

— Нѣтъ, стой!.. Карау-улъ... кара-у-у-улъ! повиснувши на сюртукѣ, не переставалъ отчаянно кричать оскорбленный капитанъ.

Началась борьба. Митя, стараясь высвободить сюртукъ, таскалъ изъ стороны въ сторону капитана.

— Какъ, братецъ мой, уцѣпился!—замѣтилъ одинъ изъ зрителей.

— Здоровый какой!.. Да ты его, парень, сапогомъ-то по головѣ, отцѣпитъ,—совѣтовалъ другой.

— И то, кокни каблукомъ-то,—подхватилъ третій.

— Кокни!. Драться, чай, не приказано... Чего не скажетъ:—кокни, — какъ кокнется... Возразилъ четвертый.

— Раздвинься, дай мѣсто, вишь имъ развернуться не гдѣ! обращался къ публикѣ пятый...—Пущай онъ ему кишки повымотаетъ... Вона и бутори бѣгутъ.

— Что это такое, что это такое?... Посторонись, посторонись,—раздался сзади толпы чей-то повелительный басъ. Толпа раздвинулась. Переваливаясь съ боку на бокъ, подошелъ господинъ въ военной шинели, въ форменной фуражкѣ и съ крестомъ на шеѣ, который былъ выставленъ на показъ, для чего и шинель была открыта около шеи. Любой наполеоновскій саперъ позавидовалъ бы бакенбардамъ, усамъ, бровямъ и вообще растительности на лицѣ этого военнаго. Признаковъ тѣла нельзя было разглядѣть на его физіономіи; она представляла посѣдѣлый затылокъ негра, на которомъ какимъ-то чудомъ смотрѣла пара бѣлесоватыхъ, злыхъ глазъ.

— Что это значитъ, а? Безпорядки, буянство... Полиціи нѣтъ,

а? Гдѣ полиція? Нѣтъ полиціи... Взять ихъ, взять... свести въ часть, наказать:—пробасилъ онъ отрывисто, рѣзко, повелительно, точно распекалъ толпу.—Что вы стоите? обратился онъ къ зрителямъ:—я говорю, взять ихъ, слышите:—взять. Толпа безмолствовала, передніе потѣснили заднихъ. Борющіеся остановились. Агаша заливалась слезами.

— Батюшко, ваше сіятельство, разбери ты, вотъ какое дѣло... робко подступая къ нему, начала мать.

— Молчать! Я говорю, взять! перебилъ ее сурово военный... Чтожь вы не исполняете приказанія, а? Вы негодяи... да, да... всѣ вы негодяи. Эй, будочники, полицейскіе!

Три будочника наконецъ пробрались черезъ толпу.

— Отъ чего васъ нѣтъ, а? Безпорядки... распущены вы, а? Убрать ихъ, убрать!.. Чтобъ у меня... то есть здѣсь было тихо, да!

— Слушаемъ, ваше п-ство! дѣлая на лѣво кругомъ, отвѣчали полицейскіе стражи.

— Батюшка, дозволь выслушать,—снова обратилась къ нему мать Мити.

— Молчать!.. баба! Я приказалъ, я... Вы вольница, распущены всѣ... убрать ихъ... отъ моего имени отвести въ часть.. сказать, что я приказалъ... Да, чтобъ наказать, да... слышите?

— Слушаемъ, ваше п-ство, скажемъ! отвѣчали стражи.

— То то... да... безпорядковъ не терплю, не терплю... У меня тихо, благочиніе... а вы чего смотрите? накинулся онъ на толпу. Маршъ по своимъ мѣстамъ!.. Да, да!.. Вы распущены, негодяи всѣ, васъ учить надо, смотрѣть за вами строго... Расходись, расходись!.. Чтобъ у меня того... чтобъ этого не было... Да, да, порядокъ... порядокъ! Негодяи... каналья! окончилъ онъ, величественно проходя чрезъ разступающуюся передъ нимъ толпу.

— Ну-ко, ну!.. ступайте за нами,—сказалъ старшій полицейскій, подходя къ Митѣ и капитану, который успѣлъ встать на ноги.

— Пойдемъ! отвѣчалъ капитанъ, поправляя фуражку.—Я моему государю капитанъ и за честь свою по закону долженъ стоять.

— На что идти... Теперича мы пріѣхали сюда родителя помянуть тихимъ манеромъ, а онъ, выжига, ни съ того, ни съ сего приставать сталъ:—протестовалъ Митя.

— Тамъ начальство разберетъ... ступайте! перебилъ полицейскій;— нечего тутъ говорить.

— Вотъ что кавалеръ, мы ужъ за тѣмъ не постоимъ и вамъ заплатимъ и ихъ высокоблагородію, только ослободите сынка-то... По частямъ-то да по кварталамъ его таскать станутъ... сквозь слезы просила мать,

— Я не согласенъ! принимая театральную позу, сказалъ капитанъ.—Веди обоихъ!.. Одинъ изъ полицейскихъ началъ что-то тихо говорить на ухо матери. Капитанъ это замѣтилъ.—Безъ совѣщаній, веди! да!.. Предъ закономъ я слово правды прореку! продекламировалъ онъ съ жестами, такъ что толпа расхохоталась

— Иди, иди, Митинька!.. собери, матка, Агаша, посуду-то, да гдѣ отецъ Алундій, али ушелъ?.. Гдѣ ему, подвижнику, на страмоту этакую смотрѣть!.. Идите, батюшка! просила мать, успокоенная разговоромъ съ полицейскимъ.

— Что-жь это такое?.. Вѣдь это, прости господи, разбой... Добрые люди, вы сами видѣли, кто тутъ виноватъ... за что я долженъ эдакой срамъ терпѣть?.. Разсудите хоть вы,—потеряннымъ голосомъ говорилъ Митя.

— Иди, батюшка, иди! тихо сказала ему на ухо мать:—кавалеръ за воротами обѣщаетъ отпустить.

— Идите, идите... долго ль намъ ждать... хуже, силой поведемъ,— твердили будочники.

Митя быстро накинулъ на плечи поддевку. Капитанъ скомандовалъ: тихимъ учебнымъ шагомъ... ма-а-ршъ!

— Разбой, какъ есть денной разбоой!—съ озлобленіемъ сказалъ Митя и двинулся отъ могилки.

Рядомъ съ нимъ выступалъ капитанъ, напѣвая:

Кончилъ, кончилъ дальній путь,
Вижу край родимый!

Большая часть зрителей съ хохотомъ кинулась провожать ихъ. Полицейскіе безуспѣшно уговаривали публику разойтись. Нѣсколько любопытныхъ осталось около могилы, гдѣ собирала посуду Агаша, передавая ее тещѣ, чтобъ завернуть все въ одинъ узелъ.

— Ну, матушка, поскорѣй, поскорѣй собирай... надо ихъ догнать,—торопила мать.

— Да чтой-то это?.. Чарку не могу найдти... Нѣту вотъ, нѣту,— отвѣчала Агаша, осматривая кругомъ могилку.

— Можетъ, Митенька съ собой захватилъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... Зачѣмъ Митрію Митричу ее съ собой брать, да и некогда. А, батюшки, да вѣдь это странникъ ее слизнулъ!.. Ей, ей! это его дѣло... Онъ ее около себя и поставилъ да, все на нее смотрѣлъ... Ахъ ты грѣхъ какой, на-ка! Чарка-то шесть целковыхъ дадена! Ну ужъ воръ! Вотъ такъ воръ. Разставивъ въ разныя стороны руки и изумленно глядя на тещу, твердила Агаша... И что мнѣ ужо за эту чарку отъ его... Митрія Митрича будетъ... Что за денекъ сегодня выдался! голосила она сквозь слезы.—Хорошъ подвижникъ—воръ!

— Не гнѣви Бога, Агаша, можетъ еще совсѣмъ не его дѣло... уговаривала мать, осматривая могилу.

— Что мнѣ ужо отъ *самого* будетъ... Чарка то его любимая! Экое наказанье... о-о-хъ!

— Ну, не реви, матка, на себя приму... Не что съ матерью-то подѣлаетъ..! Нечего ждать-то... пойдемъ... Экой грѣхъ!

— Пойдемъ, мамонька! Ну ужъ богомолецъ—воръ, а тоже все отъ священнаго. И что мнѣ будетъ, что мнѣ будетъ ужо!

— Али что, касатки, обронили?—съ участіемъ спрашивалъ пожилой мѣщанинъ.

— Ну ужъ только бѣда!—съ отчаяніемъ проговорила Агаша и пошла вслѣдъ за матерью.

— Напились винищемъ-то да и ищутъ вчерашняго дня!—замѣтилъ проходящій кучеръ.

— Мѣщане—чего ждать! отвѣчала идущая съ нимъ подъ руку его сожительница въ модной шляпкѣ—мускетеркѣ.

— Еще не разошлись!.. не увели ихъ,—снова сзади толпы послышался повелительный голосъ военнаго,—а убрали? Убрали... говорилъ онъ, осматриваясь кругомъ.—А вы чего ждете? обратился онъ къ зрителямъ строго:—разойдись, маршъ! Я приказалъ... я... Избалованы, а? Страхъ потеряли... Дамъ я вамъ себя знать... мерзавцы, негодяи, канальи! Да, да, канальи... ослушники!... Погодите, погодите... Я васъ, я васъ! съ угрожающими жестами отошелъ онъ отъ изумленныхъ зрителей.

— Экой сердитый, знать набольшій въ полиціи!.. замѣтилъ глубокомысленно пожилыхъ лѣтъ купецъ своему спутнику тоже купцу помоложе.

— Нѣтъ-съ, Прокофій Макаровичъ, это генералъ изъ отставныхъ,— возразилъ молодой.

— Чего-же онъ хлопочетъ-то, изъ за чего горячится?

— По привычкѣ-съ... Какъ они очень долгое время, въ прохожденіи своей службы военной, командой этой солдатской въ полкахъ занимались, къ строгости навыкъ получили, потому и теперь, хоть и въ отставкѣ, а все-таки соблюдаютъ свои правила-.. чтобъ какъ и что слѣдуетъ... насчетъ благочинія-съ.

— Та-а-къ! Выходитъ, порядки паблюдаетъ.

— Такъ точно-съ... Они даже на гуляньяхъ, въ Сокольникахъ, въ Марьиной или теперь взять въ Паркѣ, надъ простымъ народомъ командуютъ-съ. Ни одного гулянья не пропускаютъ... И завсегда такіе строгіе-съ.

— Это хорошо!.. значитъ, раченіе прилагаетъ, не забываетъ какой на себѣ носитъ чинъ.

— Именно-съ.

— Пойдемъ-ко къ палаткамъ... Ништо блинковъ захотѣлось, — сказалъ пожилой, выходя изъ кучки толпящагося народа.

— Съ нашимъ удовольствіемъ... Пойдемте-съ, отвѣчалъ молодой, и оба направились къ палаткамъ.

Толпа рѣдѣла и оставшіеся зрители начали расходиться въ разныя стороны, толкуя объ оканчившемся представленіи, какъ вдругъ раздалось нѣсколько голосовъ:—Идетъ, братцы, сюда!... Видишь, какимъ фофаномъ выступаетъ и сигара во рту, ахъ, ты ляхъ его побей! Рукой-то какъ размахиваетъ, да никакъ ассигнацію показываетъ?.. Побѣжимъ на встрѣчу,—кричала кучка мальчишекъ-халатниковъ, какъ извѣстно, страстныхъ поклонниковъ подобныхъ зрѣлищъ. Халатники пустились бѣгомъ. За ними двинулись кумушки, купеческіе сынки съ женами подъ ручку, ихъ маменьки и тятеньки, даже сѣдовласые старики плелись въ слѣдъ имъ. По главной дорожкѣ, съ сигарой въ зубахъ, мѣрно маршировалъ капитанъ. Въ поднятой вверхъ правой рукѣ онъ держалъ трехъ-рублевую ассигнацію. За нимъ и по бокамъ шелъ народъ, которому онъ величественно раскланивался, поднося лѣвую руку къ кокардѣ. Проходящіе, недоумѣвая, въ чемъ дѣло, примыкали къ этому шествію. Видя бѣгущихъ отъ могилы, онъ остановился въ торжественной позѣ и, когда они подошли, проговорилъ съ необыкновенной жестикуляціей:—Пришелъ, увидѣлъ побѣдилъ!.. Вотъ она, вотъ!—указывая на ассигнацію, продолжалъ онъ.

Не позволимъ оскорбить себя... Честь выше всего, а? Меня оскорбить, шалишь!..

Не всѣмъ быть можетъ безызвѣстно,
Что духъ его не укротимъ,
Что радъ и честно и безчестно
Вредить онъ недругамъ своимъ;
Что ни единой онъ обиды
Съ тѣхъ поръ, какъ живъ, не забывалъ....

— Чьи стихи вамъ читалъ? спросилъ онъ, обращаясь къ старухѣ мѣщанкѣ. Толпа хохотала. О,—чернь непросвѣщенна! Не знаешь—вотъ тебѣ за это что! Съ этимъ словомъ онъ затянулся сигарой и пустилъ въ лицо старухѣ цѣлое облако табачнаго дыма.

— Ахъ ты, проклятый! Всѣ глазоньки ослѣпилъ чертовымъ ладономъ!—вскричала старуха, протирая глаза.

— Ха, ха! Не любишь!.. Теперь всѣ по своимъ домамъ, ма-а-ршъ!.. А я пойду въ заведеніе.

Вспомнишь, какъ бывало
За двадцать годковъ—
Ужъ враговъ пугало
Имя казаковъ!

Запѣлъ онъ, поворачиваясь на лѣво кругомъ и уходя къ воротамъ ограды. Публика не удовольствовалась этимъ и съ шумнымъ хохотомъ провожала его до выхода съ кладбища.

— Почтеннѣйшій, почтеннѣйшій!.. Позвольте на два слова, остановитесь, подождите,—тоненькой фистулой кричалъ щедушный, облизанный чиновникъ, догоняя, почти бѣгомъ, отошедшаго отъ веселой толпы благообразнаго и умнаго по лицу купца. Купецъ обернулся. Чиновникъ снялъ фуражку, поклонился и проговорилъ скороговоркой:

— Извините, что останавливаю васъ, извините пожалуйста.

— Ничего-съ, отвѣчалъ купецъ, раскланиваясь.

— Позвольте узнать, кто это такой, за кѣмъ вотъ толпа-то идетъ?.. Что это такое значитъ?.. Мнѣ бы любопытно знать-съ, не можете ли вы мнѣ объяснить? Извините, что утруждаю.

— Ничего-съ... любопытнаго тутъ, батюшка, не много, съ улыбкой началъ купецъ.—Одно безобразіе... Это, сударь, *метеоръ* гостинодворскій.

— Какъ метеоръ?

— А такъ, просто, метеоръ... Пропойца, онъ изъ военныхъ... Каждый Божій день по лавкамъ въ городѣ шляется и купцы, значитъ, рядскіе такъ къ нему привыкли, что въ каждой лавкѣ кто денежку, кто копейку ему подастъ, и прозванье они ему дали *капитанъ—сѣра*.

— Почему-же такое странное прозванье?

— А потому такое прозванье, что онъ мастеръ приставать; кто ему не подастъ, онъ и пристанетъ, какъ сѣра, ни проходу, ни отбою не будетъ этому купцу; на всѣ ряды его осмѣетъ, опозоритъ.

— Странно, какъ же онъ смѣетъ это дѣлать? Неужели купечество не можетъ отъ него избавиться?

— Какъ не мочь, отъ чего бы не избавиться, кабы захотѣли; въ томъ-то, сударь, и дѣло, что не хотятъ. Сами его еще къ этому безобразію поощряютъ, за его безобразіе ему деньги платятъ. Хоть бы къ примѣру взять, не ладитъ какой торговецъ съ своими, компаніи съ товарищами не водитъ, вотъ они сейчасъ сѣру и наустятъ. Сѣра сейчасъ и пристанетъ, начнетъ это разныя непристойныя слова говорить, да ругаться,—и выбираетъ этотъ пасквиль сдѣлать гдѣ люднѣе: въ Сокольникахъ, у Далекаго, однимъ словомъ сказать, чтобъ было на виду. А то коли видитъ этотъ капитанъ на гуляньи, кто порядковъ всѣхъ столичныхъ не знаетъ, или тотъ человѣкъ смирный, онъ сейчасъ къ нему *съ опытомъ* подойдетъ.

— Какъ съ опытомъ?

— А такъ съ опытомъ. Вотъ онъ подошелъ съ этакимъ важнымъ видомъ къ вамъ милостыню просить, вы отказали, онъ сейчасъ вамъ дерзости говорить... Отвѣту вы ему не держите, пристать ему трудно; языкомъ, видитъ онъ, васъ донять нельзя, онъ либо плечомъ олкнетъ, либо на ногу наступитъ,—иной, который вспыльчивый, за это сдачи дастъ,—выжига грянется объ землю и кричитъ не даровымъ матомъ: караулъ, убили, держите. Собьется народъ, найдетъ полиція,—судъ да рядъ, какъ, что?.. Обоихъ заберутъ въ часть. срамота! Иной десять цѣлкодыхъ не пожалѣетъ, только сдѣлай милость, не приставай, отойди. Онъ что съ рядскихъ этимъ манеромъ денегъ набралъ.

— Любопытно, любопытно!.. И въ лавкахъ его любятъ, а?

— Разсудительные, которые изъ купцовъ, даже очень сѣтуютъ, да нельзя, потому прикащики его прикармливаютъ. Потому вы возьмите,

нашъ прикащикъ читать не читаетъ, разговоръ у нихъ самый обыкновенный, пустой, стоятъ съ утра у лавокъ да покупателя зазываютъ, вѣдь одурь возметъ,—что чаемъ себя накачиваютъ, отъ этого легкости нѣтъ. Вотъ сѣра и явится, потѣшаетъ ихъ, стихи имъ читаетъ, изъ театральнаго представляетъ, всякія мерзости говоритъ, имъ то и на руку, народъ не оболваненный, ну и хохочутъ и пошло веселье... Вотъ какое это заведеніе у нихъ!

— Что же онъ здѣсь-то сдѣлалъ?.. За чѣмъ за нимъ толпа-то идетъ?—любопытно бы мнѣ знать... Можетъ, происшествіе какое, а?

— Не видалъ, сударь. Ничего любопытнаго нѣтъ, одно вольнодумство... Отъ него никакихъ происшествіевъ быть не можетъ, чтобъ антересныхъ, потому пропойца, выжига.

— Нѣтъ, нѣтъ, любопытно... съ озабоченной миной говорилъ чиновникъ; такъ вы не видали?.. Жаль, жаль!.. Можетъ быть, какой интересный случай про него знаете, а?

— Нѣту, батюшка, и случая никакого не знаю.

— Досадно, досадно!.. А впрочемъ я его догоню. Такъ не знаете? Покорно васъ благодарю, покорнѣйше васъ благодарю. Тамъ можно кого нибудь пораспросить. Мое почтеніе, мое почтеніе,—извините, что обезпокоилъ; торопливо пожимая руку, говорилъ чиновникъ и бѣгомъ пустился догонять толпу, подходившую уже къ воротамъ.

— Съ чего онъ, ровно сумасшедшій какой?—думалъку пецъ, изумленно посматривая ему вслѣдъ.

— Любопытная должно быть исторія... непремѣнно надо разузнать... Разскажу ее Петру Ивановичу, онъ интересныя исторіи любитъ, смилуется—дастъ впередъ жалованье на будущій мѣсяцъ... Разсуждалъ вслухъ чиновникъ, несясь на всѣхъ рысяхъ къ кладбищенской оградѣ.

— И какого только необыкновеннаго народу нѣтъ! — промолвилъ купецъ, почему-то съ озлобленіемъ плюнулъ и пошелъ своей дорогой.

Смеркается. Оголенныя деревья и кустарники отбрасываютъ длинныя, узорчатыя тѣни на бѣлыя могильныя плиты; косвенные лучи заходящаго солнца играютъ по верхушкамъ деревьевъ и, разсыпаясь по вѣтвямъ, блѣдноватыми полосами и пятнами, достигаютъ земли. Сѣрый туманъ встаетъ въ низменныхъ мѣстахъ кладбища и стелется по землѣ тонкой бѣловатой пеленой;—стрѣльчатыя церковныя окна рдѣютъ и блестятъ, точно внутренность храма объята сильнымъ

пламенемъ. Яркой звѣздочкой горитъ въ высотѣ колоколенный крестъ. Небо темнѣетъ на востокѣ и вечерній сумракъ едва примѣтно прокрадывается все дальше и дальше къ багровому западу. Въ воздухѣ сиверко; рѣзкій вѣтерокъ уныло завываетъ, пробѣгая по деревяннымъ крестамъ и каменнымъ памятникамъ. Съ печальнымъ шуршаньемъ падаетъ съ деревьевъ запоздалый бурый листъ. Цѣлыя стаи галокъ и воронъ тянутся отъ города и съ дикимъ карканьемъ кружатся надъ кладбищенскими деревьями, отыскивая знакомые сучья и вѣтви, на которыхъ они проводятъ обыкновенно ночные часы. Кладбище пустѣетъ. Часть поминальщиковъ окончила свой печальный визитъ родственникамъ и друзьямъ и возвратилась въ городъ. Иные, оросивши если не слезами, то водкой дорогія могилы, прогуливаются по погосту, читаютъ эпитафіи и глазѣютъ на затѣйливые памятники, Торгаши-латошники суетливо навязываютъ публикѣ остатки гнилого чернослива, промзглой груши, одеревенѣлыхъ пряниковъ. Неизбѣжный мороженникъ хрипло приглашаетъ прохожихъ погрѣться мороженнымъ.

— Эй, квасъ!—кричитъ служивый, завидя мальчишку съ стеклянным кувшиномъ, въ которомъ плескается пріятная на видъ, красноватая жидкость. Продавецъ мелкой рысцой подходитъ къ позвавшему.

— Малиновый... первый сортъ... на сахарѣ... Сколько стаканчиковъ прикажите, кавалеръ?—спрашиваетъ онъ, видя, что кавалеръ стоитъ самъ третей.

— Кумъ, выпьешь?—спрашиваетъ служивый, обращаясь къ другому солдату.—У меня Дарья Спиридоновна квасокъ долюбливаетъ,—прибавляетъ онъ, любовно посматривая на супругу въ соломенной шляпкѣ и бѣличьемъ салопѣ.

— Пожалуй, кумъ... Только опосля водки кислымъ-то хмѣль сбаломутитъ... Завтра голова разболится.

— Чего сбаломутитъ, кислота весь хмѣль съѣстъ—для головы облегченье. Наливай три стакана.

— А, батюшка, кислота какая, инда глазъ дсретъ,—замѣтила солдатка, выпивши стаканъ малиноваго подъ названіемъ, но клюквенно-малиноваго на самомъ дѣлѣ квасу.

— У насъ квасъ забористый... первый сортъ, — лукаво проговорилъ продавецъ, посматривая съ улыбкой на гримасы солдатки.

— Кисло, кумъ! сказалъ ея супругъ, утирая обшлагомъ рукава ротъ и усы.

— Живетъ! крякнувши, отвѣтилъ кумъ... По зубамъ-то ровно кто натискомъ проѣхалъ. Ха, ха, ха!

— Завсегда ужъ; что ни на есть, да приберетъ куманекъ,—съ хихиканьемъ отозвалась солдатка... Охъ ужъ вы, одно слово гвардіёны!.. Отдавай-ко деньги, да пойдемъ на фатеру... Въ потемкахъ-то не больно весело по грязи въ городу-то шлепать; обратилась она къ мужу.

— Постой, погоди!.. Получи за три стакана—трёшникъ.

— Какой трёшникъ? Надо безъ денежки четыре копѣйки, возразилъ квасникъ.

— Давеча я самъ видѣлъ—по копѣйкѣ продавалъ... Нашего брата не надуешь, бери деньги! Кавалеръ подалъ деньги.

— Еще, кавалеръ, надо копѣйку безъ денежки... Этакъ себѣ въ убытокъ торговать станешь... Четыре копѣйки бы надо,—клянчилъ мальчишка, принимая деньги

— Эхъ ты! замѣтилъ кумъ,—а знаешь: три, четыре—прицѣпили, пять, шесть—бьютъ шерсть, семь, восемь—деньги возятъ, девять, десять—деньги вѣсятъ, одинадцать, двѣнадцать—на улицѣ бранятся. Говоря эти слова, онъ крѣпко держалъ парнишку за носъ и качалъ его изъ стороны въ сторону, а покончивъ, быстро снялъ съ него шапку и закинулъ въ кусты. Дама хохотала, поджавши бока, супругъ ея одобрительно кивалъ головой, а мальчикъ, ошалѣвши, стоялъ нѣсколько мгновеній на одномъ мѣстѣ и дико посматривалъ кругомъ себя.

— Что, братъ, очикурило? Впередъ бойся солдатъ надувать; въ другой разъ за волостное правленіе и въ сельскую расправу сводимъ. Съ нашимъ братомъ не шути,—внушительно говорилъ весельчакъ-солдатъ.

Квасникъ опамятовался и пошелъ за шапкой, бранясь самыми отборными словами, которыя такъ скоро выучиваются пріѣзжающими въ Россію иностранцами.

— Вотъ что жена, зайдемъ мы съ кумомъ,—коли хочешь, и ты съ нами ступай,—на могилку Семенычу да къ кучеру Кривошеинскому Абраму, а тамъ и по фатерамъ. Ну, пойдемъ что-ли?—спрашивалъ кавалеръ.

— Да пойдемъ, только поскорѣй... Мнѣ еще опару творить надо,—отвѣчала супруга.

— А какъ скоро, такъ и сейчасъ!... Еще поспѣетъ опара. Пойдемъ; взявши подъ руку жену, произнесъ кавалеръ.

— Скоро-то бываетъ не споро, кумушка!—замѣтилъ весельчакъ. Позвольте васъ подъ другую ручку взять.

— Да этакъ я буду ровно распятая,—жеманно возразила кума.

— Это по модному-съ, по петербургски; если теперича которой дамѣ офицеры наши уваженіе особенное желаютъ оказать, подъ обѣ руки водятъ,—повѣрьте.

— Ахъ очень мнѣ хочется, чтобъ супруга въ Петербургъ на службу перевели... Для нашего полу, говорятъ, тамъ совсѣмъ другіе порядки? подавая руку, спросила дама.

— Порядки и заведеніе тамъ все другое. Солдатъ совсѣмъ на другой позиціи; даже простой мужикъ, и тотъ старается чему выше подражать. Хоть бы на счетъ пѣсенъ,—здѣсь гдѣ не послушаешь, все деревню видать, поетъ себѣ мужикъ эти напримѣръ, снѣжки или лучину, или прочее что грубое,—у насъ все нѣжное, про пріятности чувствъ и иное прочее. Вотъ напримѣръ есть пѣсня:

Шелъ по Невскому прешпекту,
Самъ съ перчаткой разсуждалъ...

— Ужъ конечно, гдѣ-жь противъ него Москвѣ быть... Петербургъ столица деликатная... перебила солдатка.

— Нельзя ей другой быть, какъ въ ней все высшее начальство живетъ... Теперича что однихъ генераловъ, возьмемъ дивизіонныхъ сколько, корпусныхъ и разныхъ этихъ министровъ, — видимо - не видимо, Дарья Спиридоновна. На Невскій теперь выдешь, даже душа радуется, потому кругомъ начальство смотритъ... Словно звѣзды небесныя-съ, словно звѣзды. Среди такихъ назидательныхъ разговоровъ они дошли до *послѣдняго разряда*, гдѣ хоронится бѣдность и трудъ. Здѣсь не видать ни уродливыхъ саркофаговъ, ни мраморныхъ урнъ, ни чугунныхъ замысловатыхъ решетокъ, ни безмысленныхъ стихотворныхъ эпитафій; это тотъ разрядъ, гдѣ истинное чувство отмѣчаетъ трудовую, почти всегда зависимую, а потому и тяжело-прожитую жизнь, простымъ, часто некрашеннымъ, деревяннымъ крестомъ. Дворовые люди, чернорабочіе, солдаты, чиновники, писаря цѣлыми поколѣніями откупаютъ себѣ здѣсь мѣста для вѣчнаго покоя. Сотни, тысячи крестовъ, не рѣдко безымянныхъ, а

слѣдовательно ничего не говорящихъ прохожему, скрываютъ столько горя, страданій, забитыхъ силъ, пролитыхъ слезъ, кроваваго пота, неправдъ, гоненій и изтязаній, что откликнись они разомъ міру — церковная завѣса разодралась бы на двое и солнце померкло... Прошедши гуськомъ среди могильныхъ возвышеній, всѣ трое остановились предъ деревяннымъ, окрашеннымъ въ зеленую краску крестомъ. Надпись бѣлой краски гласила слѣдующее:

«На семъ мѣстѣ погребено тѣло раба Божія
«Абрамія, господъ Кривошеиныхъ.»

Супруги набожно перекрестились и поклонились до земли. Кумъ отдалъ поясной поклонъ.

— Ровно бы надъ Абрамушкой могилка-то осѣла?—вставая на ноги, спросила Дарья Спиридоновна своего супруга.

— Да поосѣла!... не хотя отвѣчалъ кавалеръ, задумчиво смотря на деревянный крестъ.

— Кто это такой, кумъ, упокойникъ-то, сроственникъ вамъ что-ли?

— Братъ двоюродный... Человѣкъ былъ рѣдкостный.

— Такъ... въ молодыхъ лѣтахъ померъ?

— Двадцати пяти лѣтъ.

— Отъ болѣзни что-ли какой?—Отвѣта на этотъ вопросъ не послѣдовало. Кумъ обратился съ тѣмъ-же вопросомъ къ кумѣ. Эта только что хотѣла было пуститься въ длинное разглагольствованіе, какъ мужъ самъ спросилъ кума.

— Вотъ что, кумъ, скажи ты мнѣ, что бы ты подѣлалъ, какъ бы у тебя отняли силкомъ жену, а?

— Да кто-жь отнять можетъ?

— Да ужь кто бы тамъ ни отнялъ, да отнялъ, и съ ея стороны тутъ желанья не было, а?

— Наше дѣло, кумъ, военное... Отняли бы одну, завелъ бы другую, нахально ухмыляясь, отвѣчалъ гвардеецъ.

— А ты не ломайся!... Я тебѣ говорю не къ смѣху... Вотъ отняли жену-то у Абрамушки, въ недѣлю себя скрутилъ да въ могилу уложилъ... Такъ-то... Пройдемъ-те къ Семенычу.

— Да ты постой, не сердись, кумъ... Кто-жь у него отнять могъ?

— Баринъ, самъ Кривошеинъ,—старикъ въ чемъ душа держалась, а на такое дѣло пошелъ, жену съ мужемъ разлучилъ... Да.

— Какимъ манеромъ?

— Абрамъ въ кучерахъ у него былъ... Поженился на дѣвушкѣ красоты неописанной. Пришелъ послѣ свадьбы съ женой барину поклониться... Тутъ самъ дьяволъ въ барина и поселился,—понравилась ему бабенка. Сейчасъ онъ Абрама кучера—въ деревню, жену оставилъ при себѣ. Абрамъ изъ деревни сбѣжалъ въ Петербургъ обратно, сталъ вытребовать у барина жену. Тотъ, не говоря дурного слова, по этапу его маршъ назадъ. Вновь Абрамъ сбѣжалъ. Пришелъ въ домъ... Ну, узнаетъ отъ дворовыхъ, что задобрилъ жену его баринъ, что живетъ она у него въ домѣ, рядомъ комнаты... Погрозился, покойникъ, людямъ и ушелъ. Барину это перевели... Сталъ онъ съ опаской большой жить... Даже полицейскаго при домѣ держалъ, а полиціи объявилъ, что сбѣжалъ у него человѣкъ, скрывается въ Петербургѣ и стращаетъ его худомъ... Толковали дворовые, что раза съ два видали его,—шлялся по ночамъ около дома... А тутъ, кумъ, вдругъ словно канулъ въ воду... Черезъ недѣлю барина повѣстила полиція, что нашли Абрама на трохтуарѣ безо всякихъ чувствій, ночью... А на утро позвалъ священника, какъ быть слѣдуетъ, долгъ исполнилъ—и душеньку Богу отдалъ... Вотъ она жена-то что... Отъ роду хмѣльнаго въ ротъ не бралъ, а тутъ вдругъ... Пойдемте къ Семенычу, тутъ недалечко. Всѣ еще разъ поклонились и пошли.

— Азартный былъ видно человѣкъ... разсуждалъ весельчакъ. Кто-жь ему этотъ крестъ поставилъ? спросилъ онъ.

— Я поставилъ.

— Надпись-то ровно бы не подходящая, замѣтила жена.

— Надпись какъ слѣдуетъ, по закону сдѣлана. У насъ два закона. Возьмемъ въ примѣръ: если теперь помѣщикъ, тамъ графъ, князь, офицеръ какой умираетъ, дьяконъ долженъ говорить: упокой Господи душу усопшаго раба твоего, тамъ балярина, али князя, али графа, кто въ какомъ чинѣ; нашъ братъ умретъ—поминаютъ воина, а простого человѣка—просто, раба... А почему? Потому, по церковному закону всѣ рабы, а по мірскому при каждомъ человѣкѣ свой чинъ. По этому самому и означено на крестѣ, что Абрамій рабъ Божій, господъ Кривошеиныхъ. Мнѣ все это въ точности разсказалъ здѣшній дьячекъ.

— Это вѣрно... Дѣло ихнее — имъ и знать... замѣтилъ гвардеецъ. Ну, а жена-то Абрамія такъ и теперь при баринѣ состоитъ?

— Гдѣ при баринѣ, году не прожилъ съ ней... Далъ, братъ, онъ ей вольную и безо всякой награды отъ себя отставилъ.

— Та-а-къ. А гдѣ-жь она теперь?

— А гдѣ вѣтеръ гуляетъ, тамъ и она... Пошла битка въ конъ... Гдѣ-жь ей съ этакого житья да на простое положеніе встать... Извѣстно, избаловалась... Пошла по людямъ. Нестоющая стала, чтобъ объ ней и говорить-то, кумъ. А вотъ и Семеныча могилка.

Служивый, проговоря это, остановился передъ большимъ, бѣлымъ деревяннымъ крестомъ съ лаконической надписью:

Служилъ вѣрно!
Умеръ послушно!

«Рядовой NN полка Иванъ Семеновъ Котъ».

— Вотъ тоже померъ-то!... въ одномъ полку служили... Какая кому кончина назначена, никто этого знать не можетъ; началъ послѣ земного поклона философствовать женатый солдатикъ... Одни колдуны знать могутъ... Потому судьба...

— Вонъ тоже на Таганкѣ юродивая Марфуша живетъ, капте-нармусовой женѣ... знаешь чай, Лизаветѣ Захарьевнѣ... Знаешь что ли? тараторила супруга.

— Ну, знаю... недовольнымъ тономъ отвѣчалъ прерванный въ своемъ философствованіи супругъ.

— Ну... Ходила она къ Марфушѣ тоже на счетъ суки гадать... Торгуютъ это они собаками, у нихъ дорогія-предорогія... Меледянскія и што-ли какія, прахъ знаетъ названье-то!... Только щенками по двадцати цѣлковыхъ продаютъ... Такъ сука-то это самая меледянская щенна была... Вотъ снесла Лизавета Захарьевна Марфушѣ четвертакъ да полъ-штофа сладкой водки, меньше не принимаетъ... Любопытно ей узнать, сколько щенковъ сука ощенитъ. Принесла: такъ и такъ, говоритъ, матушка, откройте мнѣ это... Марфуша ей только и говоритъ: семь семеоновъ родныхъ братьевъ, семь семеоновъ родныхъ братьевъ... Что-же вѣдь такъ и вышло: семь ощенила кобельковъ одинъ къ одному, какъ вылитые... Вотъ она судьба-то какая.

— Постой, Дарья... Судьба эта другая... Тутъ насчетъ смерти

толкуемъ... Хорошій человѣкъ былъ упокойникъ, то есть, сказать, солдатъ на рѣдкость. Зима, кумъ, стояла тотъ годъ лютая-разлютая. Вотъ пришлось ему стоять ночью на краулѣ коло магазейновъ, почесть что въ полѣ. Холодъ стоялъ страсть какой — галки падали. Вотъ стоитъ онъ свои часы. Кельги попались дырявыя, тулупишко вытертой; холодѣетъ онъ, ждетъ смѣны,—черезъ три часа смѣнялись. Проходятъ три часа, проходятъ четыре—не смѣняютъ. На обвахтѣ-то, знаешь, обочлись постами, эфрейторъ въ тѣ поры былъ въ разсѣйкѣ что-ли, не знаю. Только ужъ вспомнили объ немъ на вторую смѣну, черезъ шесть часовъ. Вотъ мы смѣняться-то бѣгомъ побѣжали. Подбѣжали, глядимъ: Семенычъ-то спиной къ будкѣ прижался, ноги-то у него подкосились, на корачкахъ, знаешь, сидитъ и правой рученькой ружье къ себѣ прижимаетъ, не хотѣлъ видно разстаться. Мы: Семенычъ, Семенычъ!—голосу не подаетъ. За плечо двигаемъ, думали — заснулъ, не просыпается. Толкнулъ его, знаешь—молодой у насъ солдатикъ былъ въ полку—посильнѣй въ плечо, онъ, словно каменный, навзничь и свалился и ножиньки не разнимаетъ, и ружья не выпускаетъ изъ рукъ. Мы всѣ сплакали тутъ. Полковой командиръ женѣ его своихъ пять цѣлковыхъ пожертвовалъ на крестъ, «стишокъ» этотъ написалъ, чтобъ, говоритъ, всякій зналъ, что Котъ службу свою соблюдалъ вѣрно и жизни лишился послушно... Только что проговорилъ послѣднія слова служивый, какъ не вдалекѣ послышался женскій визгъ и черезъ тропинку пробѣжала молоденькая зазывальщица. Хохотъ и грубые возгласы раздались вдали.

— Пойдемъ-ко, Дарья Спиридоновна, по фатерамъ, пора!.. Видишь, закалякались, народу-то почесь никого на кладбищѣ не осталось. Пойдемъ, кумъ.

— Пойдемъ, кумъ... и то пора, солнышко совсѣмъ сѣло...

Всѣ трое повернули на главную дорожку.

— Иди, братцы, скорѣй! Воровата, шельма,—улизнула! прокричалъ кто-то сиповато. И вслѣдъ за этимъ на проселочную дорожку вышелъ молодой малый, носящій на всей своей внѣшности такіе признаки бурсы, что съ перваго взгляда никто не ошибся бы, назвавъ его семинаристомъ. Незастегнутый, длиннополый сюртукъ развѣвался по вѣтру, фуражка съ заломомъ на бекрень, нанковые штаны, бархатный, открытый жилетъ, пестрая, ситцевая сорочка, чудовищной величины бантъ галстука, помятое, подержаное лицо, дерзкій до на-

хальства взглядъ, нечосаные рыжіе, курчавые волосы и такіе-же бакенбарды—говорили, что это одинъ изъ тѣхъ семинаристовъ, которые, не вступивъ еще въ *богословіе*, порѣшили со всѣми науками религіозными, во имя призванія къ свѣтской, гражданской дѣятельности. Поджидая товарищей, онъ затянулъ басомъ:

Э-э-охъ! Доставалась сударушка
Другому не мнѣ-ѣ-ѣ,—
Лакею свиньѣ.

— Упустилъ, упустилъ, stultus sum ego, stultissimus! заговорилъ онъ, когда показались его пріятели на дорожкѣ. Двое изъ нихъ, знакомы уже читателю—это тѣ купчики, которые обрызгивали грязью проходящихъ. Другіе двое были пониже разборомъ, но относились къ той же категоріи молодыхъ людей, считающихъ скандалъ и безобразіе спутниками молодости, широкого разгула, русскаго веселья. Безобразники-прикащики чувствовали нѣкоторую робость предъ безобразниками-хозяевами, хоть въ душѣ и сознавали, что не уступятъ въ размахѣ милліонерамъ. Эти двое прикащиковъ были одѣты хоть и въ довольно длиннополыхъ сюртукахъ, но брюки носили поверхъ сапоговъ.

— Что, не сгробасталъ? спросила аглицкая шляпа.

— Запримѣтила и, яко лось легкая, прыгнула въ сторону...

— Пойдемъ къ палаткамъ... Теперь у нихъ торговля отошла... Можетъ, и дѣло сладимъ,—перебилъ французскій фасонъ.

— Идемте-съ, замѣтили оба прикащика.

— Dixi! вскричалъ семинаристъ и компанія двинулась къ палаткамъ. Они прошли нѣсколько шаговъ; семинаристъ, шедшій во главѣ, быстро вскочилъ на одну изъ могилъ, и вынулъ изъ кармана кусокъ мѣлу; пріятели подошли къ могилѣ, на которой стоялъ массивный, деревянный крестъ.

— Читайте, провозгласилъ семинаристъ.

Одинъ изъ купчиковъ прочелъ надпись: «Подъ симъ крестомъ лежитъ тѣло московскаго мѣщанина, раба Божія Иліи, скончавшагося холерой 15 Іюля 1848. Житія его было на землѣ 21 годъ, 8 мѣсяца и 12 дней.»

— Теперь silentia, сирѣчь—молчаніе, сказалъ семинаристъ и началъ писать мѣломъ стихи. Когда онъ окончилъ, то громогласно произнесъ ихъ въ слухъ...

— Браво, молодецъ, ахъ ты, чортъ тебя подери! на разные голоса закричали пріятели. Семинаристъ прервалъ эти заявленія.

— Poëtae—nascuntur, oratores—fiunt; въ переводѣ—поэтами родятся, ораторами—дѣлаются. Продолжаемъ шествіе. Съ хохотомъ и шумнымъ говоромъ шли они къ своей цѣли. На пути семинаристъ успѣлъ еще разъ подобнымъ образомъ распотѣшить веселую компанію. На одномъ крестѣ значилась такая надпись: «Подъ симъ крестомъ лежитъ тѣло рабы Божіей, дѣвицы Атрипины, 22 лѣтъ.» Семинаристъ осторожно соскоблилъ слѣдующія за тѣмъ слова и глубоко вырѣзалъ ножемъ въ деревѣ добавленіе, сколько остроумное по семинарски, столько же интересное для пріятелей, — «матери пятерыхъ дѣтей». Смѣху и одобреніямъ не было конца. Пока наши пріятели дошли къ палаткамъ, совершенно стемнѣло. Народу на кладбищѣ осталось очень не много... Только около палатокъ, или лучше сказать, около блинницъ стояли кучки запоздалыхъ поминальщиковъ. Блинницы суетливо собирали свои сковороды и ухваты, горшки, самовары, чашки. Салопницы кляли, на чемъ бѣлый свѣтъ, благодѣтелей и благодѣтельницъ. Говоръ, изрѣдка веселый смѣхъ купчиковъ несся отъ палатокъ: въ другихъ мѣстахъ тишина и пустота была совершенно кладбищенская. Усиленно напрягая зрѣніе, можно было разглядѣть кое-гдѣ въ отдаленныхъ, уединенныхъ мѣстахъ кладбища силуэты нѣсколькихъ движущихся паръ, но очертанія ихъ были такъ блѣдны, нерѣзки, что можно было счесть ихъ за привидѣнія, чѣмъ за живыхъ. Кто вѣритъ призракамъ, тотъ не усумнится, что это они разгуливали парами по кладбищу.

— А-а-а! Параша, Дуняша, Маша, Паша! Здраствуйте, лебедки! съ ужимками и колѣнцами проговорилъ одинъ изъ купчиковъ, съ розмаху набѣгая на кучку блинницъ.

— Ну-ко, ну... Проваливай!.. Знаешь пословицу: языкомъ болтай... Ты не больно,—здѣсь вѣдь кладбище;—на разные тоны заголосили они.

Купчикъ вынулъ изъ кармана горсть мелкаго серебра и, зажавши его въ ладоняхъ, зазвенѣлъ деньгами.

— Кто съ нами ласковъ, къ тѣмъ мы добры, говорилъ онъ, посматривая на дѣвушекъ, которые облепили его кругомъ, какъ мухи медъ.

— Купецъ-молодецъ, а ты насъ обдѣли... Я себѣ сережки куп-

лю... Купецъ, знакомая вѣдь—Маша-то Сакольницкая, помнишь?.. Хоть бы на орѣхи-то далъ! просили онѣ, обступая его все тѣснѣе и тѣснѣе. Запоздалые поминальщики тоже подошли поближе.

Семинаристъ же съ остальной компаніей притаился за могилами и памятниками.

— Ну вотъ вамъ, красавицы,—ищите, произнесъ купчикъ и съ этимъ словомъ кинулъ горсть серебра къ тому мѣсту, гдѣ его пріятели сидѣли въ засадѣ.

Дѣвы-чародѣйки кинулись со всѣхъ ногъ цѣлой гурьбой розыскивать разсыпавшуюся по землѣ мелочь. Раздался крикъ, визгъ, борьба, брань!..

. . . . . .

Мы отказываемся досказать развязку этой сцены. Безсмертный Тредьяковскій не даромъ сказалъ:

Молчаніе, тобою въ мірѣ
Не оскорбится слуха взоръ.

С.-Петербургъ.
1863 г.

Николай Потѣхинъ.

LIBRARY OF CONGRESS
0002525918A